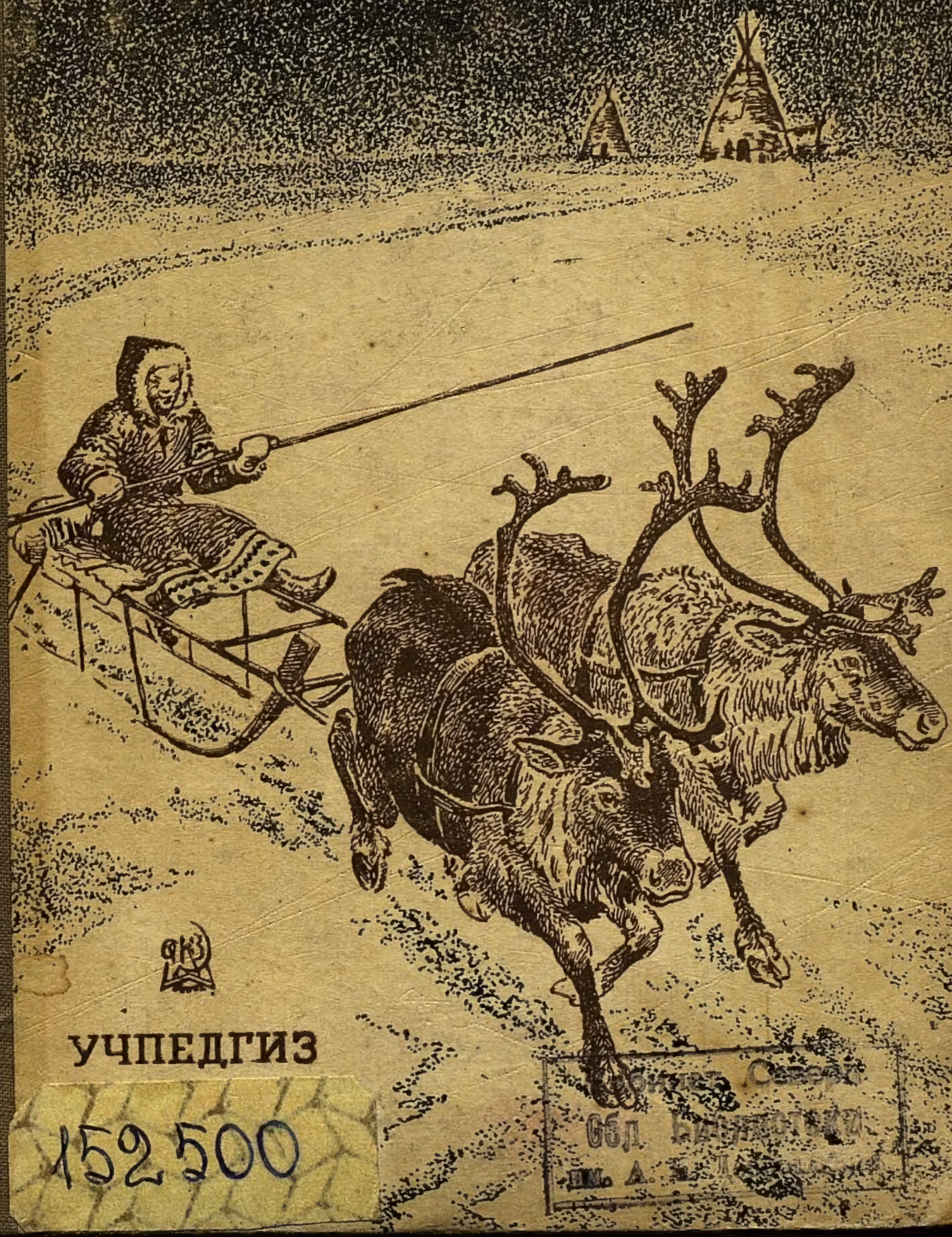
С 91
Д533

ДМИТРИЕВ

ТУНДРА



УЧПЕДГИЗ

152500
Собрание сочин.
Обл. библиотеки
им. А. М. Горького

Ф.9.1(С)
Д533.
Тумара.
152500.
Дмитриев, С.Н.
65к.
1948

БИБЛИОТЕКА ПО ГЕОГРАФИИ ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

С 91(с)
Д533

ТУНДРА

ОЧЕРКИ И РАССКАЗЫ

СОСТАВИЛ С. ДМИТРИЕВ

152500

1948
1966 г.
СЕВ.
Краевой обязательный экземпляр
УР. Б-КА
пользоваться бережно

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1935

05372

1995

2010

2002

Отв. редактор *П. Г. Терехов.*
Техн. ред. *Ф. А. Дворкина.*
Обложка худ. *С. Г. Оболенского.*

Сдано в набор 4/III 1935 г. Подписано к печати 31/V 1935 г.
Формат $82 \times 110^1/_{32}$. Тираж 50000 экз.
Изд. листов $4^1/_2$. Бум. листов $1^1/_8$. Авт. листов 2,69.
(100.000 тип. знаков в бум. листе).
Бумага № 2. Вишхимз. фабрики.

У — 15 п. Учпедгиз № 7010.
Цена книги 40 коп., переплет 25 коп.
Уполн. Главлита Б-6513. Заказ № 257.

---

17 ф-ка нац. книги ОГИЗ'а РСФСР треста «Полиграфкнига»
Москва, Шлюзовая наб., д. № 10.

Нейтрализация
20 11 г.

У остяков Западной Сибири.

Путешественник Капфер ездил по северу России в дореволюционное время. Он рассказывает о своем пребывании у остяков.

Остяки живут к востоку от Уральских гор, по нижнему течению реки Оби, на Ямальском полуострове и в других местностях; в тундре — они кочевники-оленеводы; южнее — в полосе лесотундры — они живут оседло, занимаясь рыбной ловлей, охотой и оленеводством.

★

Тундра... Безграничная, пустынная, снежная равнина... Изредка—куст или карликовое деревцо. Вдали виднеется, как в голубых сумерках, гребень Уральских гор. Бледное зимнее солнце окружено туманным кольцом. Вся местность погружена в какой-то неприятный мерцающий полумрак.

Из-за небольшого холма выглядывает чум — простое сооружение из шестов, обтянутых шкурами. Легкой струйкой вьется над чумом дым, тявкают собаки, побрякивают колокольчиками олени.

Стоп! Наши нарты разом остановились. Как вкопанные, неподвижно стали олени с опущенными головами и впалыми боками.

Я спешил, я ехал день и ночь, догоняя кочующее остяцкое племя, чтобы следовать за ним на юг, на

Чум — простое сооружение из шестов, обтянутых шкурами.

его зимние стоянки. Неприветливо стало в тундре. Белый снежный саван покрыл мох и ягель. Голодно стало оленям. Теперь остяк должен искать новые пастбища в лесной полосе; там под деревьями есть лесной мох — корм для его оленей.

Чадно и грязно в чуме. Посредине разведен огонь, пол устлан оленьими шкурами. На стенах развешаны: разная домашняя утварь, рыболовные снасти, копья и заржавленное кремневое ружье. Около огня — полунагие мужчины и женщины с детьми. Они разговаривают на своем мягком благозвучном языке, жарят над огнем куски оленьего мяса, чинят меха и поправляют домашние вещи.

Я вхожу в чум старшины. Он сидит в углу палатки и дымит из коротенькой трубки. Он кивает мне головой, на лице — широкая улыбка, в узких черных глазах появляется блеск. Он делает мне знак

рукой, приглашая сесть. Следуют вопросы: „откуда?“ „куда?“ Я отвечаю:

— Из Германии.

— Там тоже есть остяки? А олени? А рыба?

Я с трудом понимаю ломаный русский язык, на котором говорит старик.

Ночь. Боязливо, охриплыми голосами тявкают собаки. Они знают, что по тундре шныряют волки. Олени жмутся друг к другу, фыркают и позвякивают колокольчиками. Над безжизненной тундрой, скованной жестокой стужей, — бледный диск луны.

Утром завтрак у старшины. Подаются остяцкие лакомства: замороженное оленье мясо, сушеное оленье мясо, сало и сырые почки, чуть-чуть посоленные. Я не привык к этим кушаньям, для меня вкуснее наш чай. Я предложил старшине кружку чая и влил в него несколько ложек коньяку. Лицо его сразу просияло. Он оценил напиток.

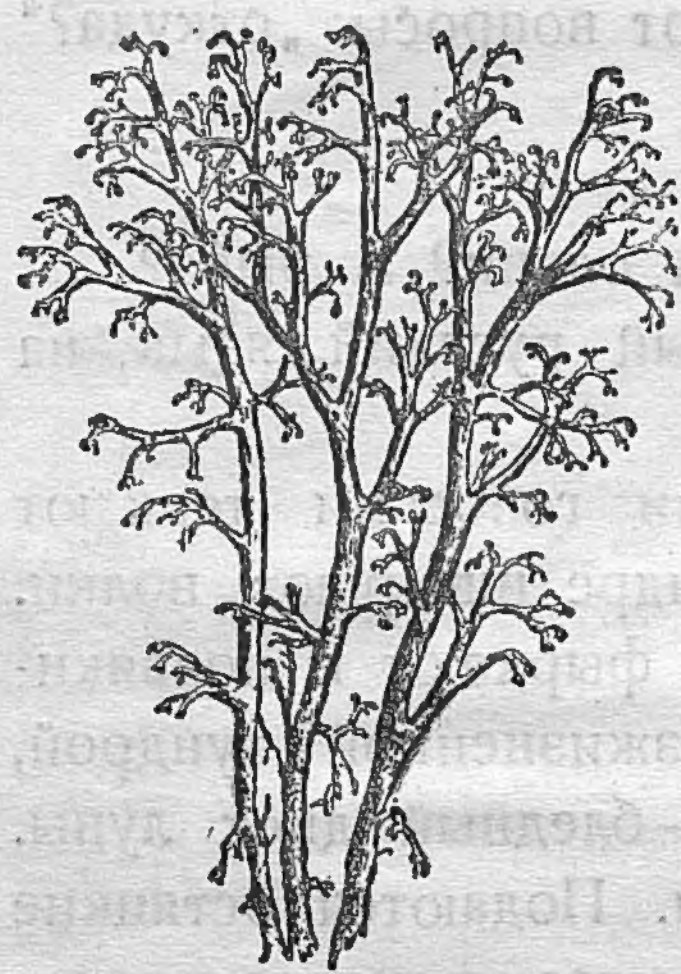
В чум вошел шаман — заклинатель „духов“. Он кланяется, но с достоинством, чужому „барину“. Затем берет камень и кладет его в огонь. У шамана связки из цветных тряпок: в них кукла — домашний божок. Шаман помахивает связкой над дымом и в это время бормочет какие-то заклинания...

— Бог сказал: ехать! Пастбище найдем в лесу...

Опять бормотанье...

Домашний божок — это фигурка человека из дерева или камня. Иногда это чучело птицы, медвежья лапа, мех куницы. Но в них, в этих божках, по мнению остяков, живет „божественная сила“. Однако эти „божки“ не обладают очень большой силой.

Большой бог — Трум. Он посылает погоду и бурю,



Олений лишайник — ягель.

он управляет миром. Он живет в горах Урала. Он гонит облака, посылает дождь, молнию, гром, снег и холод. Это — бог, отец вселенной...

После слов шамана начинаются приготовления к отъезду. Олени собраны вместе. По три самых сильных оленя запрягают в нарты. Одни за другими выстраиваются нарты в длинный ряд. Чумы и домашний скарб упакованы, привязаны к саням.

Сначала на сани усаживаются женщины и дети. Затем садятся мужчины. Старшина поднимает длинный погоняльный шест, все мужчины следуют его примеру.

Раздается протяжное „ге-ге-ге-ге!“ Олени идут рысью. Свист — и нарты полетели стрелой. Лай собак, звон бубенчиков; нарты несутся на юг, к обещанным пастбищам. За ними стуча, копытами и позвякивая бубенчиками, бежит стадо оленей. Высоко вздымается из-под копыт снег.

Белоснежный покров тундры мерцает при свете луны. Нет ни дороги, ни следа. Но сыны тундры никогда не ошибаются. Они без труда узнают местность.

День за днем бегут олени, останавливаясь лишь на короткое время, чтобы достать из-под снега скудный ягель и утолить голод. Ведь скоро должен быть лес, где много мха.

„Ге-ге-ге-ге!“

Разорванными кусками несутся по небу облака, освещенные слабым светом луны. Густой пеленой кружится над равниной снежная пыль. Олени с трудом вытаскивают ноги из глубокого рыхлого снега. Тундра погружается в полумрак, и, как в тумане, виднеются вдали Уральские горы.

Остяк-охотник.

Гуще и гуще затягивается небо тучами, все больше и больше нагоняет их с севера. Мрачнее и мрачнее становится над тундрой. Над запыхавшимися оленями несется густая снежная пыль. Нарты скрипят, мужчины выкрикивают проклятия.

Бешеный вой, свист! Белые комья захватывают все в свой круговорот. Сибирская пурга! Олени вязнут в снегу до самого брюха. А снег хлещет их спереди, бьет в спину и голову. Дальше, дальше, во что бы то ни стало вперед! На юг, к лесу! Туда, где виднелись горы.

Наконец, нарты останавливаются. Теперь мы под защитой скал и елей. Мужчины стряхивают с нарт снег, вытаскивают закутанных в одеяла и меха полуобмерзших женщин и детей. Спешно разводится огонь, ставятся чумы.

Измученные олени бросаются в глубокий мягкий снег, прижимаясь друг к другу, тело к телу. Ни один не думает о корме, только об отдыхе, об одном отдыхе.

Мужчины осматривают своих животных и нарты, пересчитывают головы. Один старый остяк не досчитывается упряжки из трех лучших оленей. И их вел Вохзар, его сын.

Тишина над тундрой. Старик снова сидит на нарте. Трое саней следуют за ним. Самые сильные олени запряжены для обратной поездки на поиски пропавших. Идут шагом, нужно найти обратный путь. Он отыскивается, хотя все следы занесены глубоким снегом. Старый остяк весь превратился в ищейку. Его черные живые глаза блестят, но обветренное лицо остается неподвижным. Медленно, шаг за шагом, идут олени по рыхлому высокому снегу. Ни одного звука. Только слабое побрякивание бубенчиков и фырканье оленей. И где-то вдали лай полярной лисицы.

Но что это? Из снега торчат рога и крепкий серый затылок оленя!

Старик сразу узнал своего оленя. Он протянул руку и нащупал твердые одеревяневшие ноздри и увидел полузакрытые остановившиеся глаза. Люди бросились лопатами расчищать снег. От яростной работы катился пот. Вот и другой олень. Также

замерзший и твердый. Твердый, как камень, и третий олень. Вот и нарты. И тут же, несколько в стороне, рука... окаменелая рука.

Молча стоит отец около трупа своего сына. Ни одной слезы, ни одного вздоха.

Груды скал, кривые стволы сосен и елей, карликовая береза. Молчаливые мужчины в кругу около могилы.

Тяжелая работа — вырыть могилу в промерзшей земле. К стенам плотно подгоняют срубленные деревья, чтобы весной, когда пойдут теплые ветры, могила не была размыта водой.

Глухое пение шамана. С молитвами и заклинаниями опускают в могилу тело. Там, на дне могилы, приготовлена для него лодка из осинового дерева. В окаменевшей руке у покойника — весло. И все, что ему нужно было при жизни на земле, кладется в могилу: лук, стрелы, колчан, копье, нож и в глиняной чашечке медные и серебряные монеты [1].

Могила закрывается плотно пригнанными срубленными деревьями; над ней делают насыпь и кладут камни.

Вытянувшись в длинную линию, медленно потянулись олени, побрякивая бубенчиками и пофыркивая, далее на юг, к лесу, где есть мох и ягель.

„Ге-ге-ге-ге!“

*

---

[1] Лодка, охотничьи принадлежности и другие предметы кладутся в могилу потому, что, по верованиям остяков, „дух“ умершего будет заниматься рыбной ловлей, охотой, т. е. тем же, чем человек занимался при жизни.

В лесотундре.

В опасном положении.

Это было в 1918 г. Мне предстояло сделать перевал через один из невысоких хребтов Дальневосточного края.

Мне советовали взять в спутники тунгуса Гавриила Попова, который считался хорошим охотником и переводчиком.

Гавриил Попов был мужчина среднего роста, хорошо сложенный. Он имел овальное лицо, немного выгнутый нос, слегка выдающиеся скулы, темнокарие глаза, стриженые волосы на голове; на лице вовсе не было усов и бороды. Он носил русскую рубашку, черные штаны, верхний кафтан из шинельного сукна и обувь из толстой замшевой кожи. Головным убором ему служила самодельная меховая шапка с длинными наушниками, которые наподобие двух хвостов свободно свешивались на грудь.

Попов был грамотен и свободно владел русским языком, говорил медленно, с расстановкой, и при этом как будто немного улыбался.

В начале января мы вместе с кочевавшими тунгусами выступили из якутского поселка на пятидесяти пяти оленях и направились к горам.

Надо заметить, что северные олени идут очень быстро, причем ни кочковатые болота, ни густые заросли в лесу не служат им препятствием.

В дороге я часто останавливался, чтобы произвести съемку нашего пути, записать пройденное расстояние и зарисовать виды.

Чтобы не задерживать отряд, я велел тунгусам итти своим обычным путем и не дожидаться меня. Я условился с ними, что около полудня на месте большого привала они оставят мне кое-что поесть. Тунгусы поняли и сказали, что по ту сторону водораздела они знают место, где есть олений корм, и потому, как только спустятся с перевала, тотчас раскинут стойбище.

Итак, мы разделились: тунгусы с оленями пошли дальше, а я остался сзади. Заблудиться я не мог, потому что олени протаптывали в снегу хорошую дорогу. К тому же проводник обещал остановиться на привал засветло.

День угасал.

Когда солнце совсем скрылось за горизонтом и красивая окраска снегов потускнела, я начал спуск с хребта. За перевалом сразу начинался хвойный лес.

Я прошел один километр, второй, третий, а стоянки все не было. Я заметил, что местами олени бежали рысцой, значит тунгусы подгоняли их и куда-то торопились.

Лес чем дальше, тем становился гуще. На местах открытых еще можно было кое-как рассмотреть следы, но под сенью хвойных деревьев они становились незаметными. Ночная тьма быстро сгущалась и потому итти становилось все труднее и труднее.

Опасаясь сломать свои лыжи в лесной чаще, я должен был уменьшить шаг и бросить съемку. С заходом солнца температура стала быстро понижаться. В лесу воцарилась могильная тишина, изредка нарушаемая только звонким потрескиванием деревьев от мороза.

Ночь властно вступала в свои права. На потемневшем небе зажглись яркие звезды. А я все шел, быть может, совсем не в том направлении, куда следовало.

Вдруг, к ужасу своему, я увидел, что потерял олений след. Я достал спичку и чиркнул ею: чистый ровный снег лежал впереди меня, справа и слева...

„Вот беда-то! — подумал я. — Неужели я заблудился?“

Кому приходилось бывать зимою в лесу, тот знает, что значит заночевать в лесу без теплой одежды, без топора и без полотнища палатки, которым можно было бы защитить себя от холода. Я остановился, чтобы передохнуть немного и обдумать свое положение. Но мороз тотчас же дал себя знать. Надо итти! Но куда? Я наугад пошел вправо. Както лыжа моя подвернулась, я упал и в это время ощупал рукою взбитый снег. Встав, я вторично зажег спичку. На секунду ночная тьма расступилась в стороны, и при краткой вспышке огня я успел рассмотреть оленьи следы. Спичка погасла, и мгновенно все снова утонуло во мраке ночи.

Я постоял несколько минут на одном месте, пока глаза мои не освоились с темнотою. Тогда я решил итти с крайней осторожностью, нащупывая дорогу ногами. Я подвигался очень медленно и в тех случаях, когда терял оленью тропу, возвращался назад и нередко искал ее руками.

Так промаялся я до девяти часов вечера и совершенно выбился из сил. Стало совсем темно, так темно, что нельзя уже было рассмотреть даже больших предметов, находящихся в непосредственной близости.

Наконец, случилось то, чего я больше всего боялся,—я совсем потерял оленьи следы и в поисках их напрасно потратил много времени.

Я принялся кричать, но лесная пустыня словно насмехалась надо мною: каждый раз эхо возвращало мои возгласы обратно.

Измученный до последней степени, я сел на какую-то колодину и, не снимая лыж, хотел отдохнуть немного, а затем развести небольшой огонь и как-нибудь пробиться до утра. Я не помню, сколько времени просидел, и как-будто стал дремать. Чувство озноба пропало. Какая-то непонятная сила сковала мои члены.

Вдруг одна мысль, как молния, пронзила мой мозг: „Спать нельзя!“ Я напряг все силы, рванулся с места и открыл глаза.

Кругом было темно, как в могиле. Вверху слышался шорох — то легкий ветерок пробегал над лесом и чуть трогал вершины деревьев. Я сильно прозяб: холод уже успел проникнуть под одежду; мои зубы выбивали непрерывную дробь. Я схватился руками за ствол соседнего дерева и поднялся на ноги. Первые шаги показались мне невероятно тяжелыми, потом я разошелся и тихонько побрел в ту сторону, где был какой-то просвет.

Не сделал я и сотни шагов, как вдруг лес кончился, и передо мною открылась громадная равнина, озаренная слабым светом мерцающих звезд. Далеко на другом конце ее мелькал огонек. Сонливое состояние разом исчезло — я почувствовал прилив бодрости, поправил лыжи и пошел прямо на спасительный „маяк“

Шел я долго и медленно. Наконец, стало слышно побрякивание бубенцов оленей. Еще немного, и я увидел стоянку. У опушки леса стояли две палатки. Несколько в стороне горел большой костер. Тысячи искр, увлекаемых жаром, поднимались кверху и огненным дождем сыпались на снег. Колеблющиеся языки пламени прыгали по веткам и пожирали сухие дрова. Неровный свет огня отражался на сугробах, на палатках, на стволах близрастущих деревьев и перекидывался в тундру.

Около костра виднелся черный силуэт человека с кроваво красными контурами то с одной, то с другой стороны, в зависимости от того, как освещал его огонь. Этот человек был Гавриил Попов. Он поправлял дрова и закрывал рукой лицо от жара.

Собрав последний остаток сил, я дотащился до костра и, не снимая лыж, повалился на снег. Отдышавшись немного, я спросил его, как случилось, что тунгусы, вместо того чтобы встать на стоянку тотчас за перевалом, ушли так далеко. Оказалось, что, перейдя хребет, они попали не на то место, на которое хотели. Они заметили свою ошибку тогда, когда совсем уже спустились с хребта. Им не хотелось возвращаться назад, и они решили итти до тех пор, пока не найдут ягель.

Утром я хотел было посетовать на своих спутников за то, что они оставили меня в тайге, но они крайне удивились, что я не остался в лесу до рассвета, а пришел на стоянку. Им так часто случается проводить ночи в лесу, что моему отсутствию они не придали никакого значения и спокойно улеглись спать. Только Гавриил Попов решил на всякий слу-

чай зажечь костер, который и послужил мне путеводным огнем. Не разложи он костра, я, действительно, провел бы мучительную ночь под открытым небом.

Не сбился ли с дороги наш вожатый?

Весь следующий день тунгусы простояли на месте, и потому я хорошо выспался. Один из них ходил на охоту и принес двух глухарей и одного рябчика. Остальные мужчины исправляли седла и прочее походное снаряжение, а женщины чинили одежду.

Назавтра было назначено выступление с рассветом, и потому мы все рано легли спать.

Было еще темно, когда меня разбудил Попов. Я оделся и вышел из палатки. Чуть светало. Тундра, занесенная снегом, и старые ели в зимнем наряде, казалось, еще грезили предрассветным сном.

На востоке занималась заря. Побледневшие звезды быстро гасли одна за другой. Во всем воздухе была разлита какая-то мгла, которую тунгусы называли „туманным морозом“.

Около палаток стояли два оленя с заиндевевшей шерстью. Термометр показывал — 50°. Когда взошло солнце, атмосфера немного очистилась.

После утреннего завтрака тунгусы стали разбирать палатки и вьючить оленей. В стороне был разведен большой огонь, около которого собрались все ребятишки.

Часам к шести утра мы снялись со стоянки и пошли дальше. Путь наш опять пролегал по тундре.

Ехавший впереди на „седловом“ олене тунгус пел, и пение его было так же уныло и однообразно,

как однообразна та тундра, по которой он кочевал со своими табунами. Самки оленей следовали за ним гуськом в порядке и не отставали. Все мужчины и женщины ехали верхом на оленях. Они сидели как-то странно на плечах оленей, свесив ноги вперед, на грудь животных. Малые дети были завернуты в меха и помещались в особых седлах-зыбках, привязанных к вьюкам ремнями.

Только что мы тронулись в путь, как произошла остановка. Один ребенок расплакался. Мать немного придержала своего оленя и попросила другую женщину подать ей капризника. Та ловко соскочила на землю, развязала ремни и подала малютку матери. Последняя взяла его и на ходу накормила грудью, прикрывшись шубой от мороза. Потом она стала укачивать ребенка, но он раскапризничался, брыкался и кричал во все горло. Тогда она сказала что-то тунгусу, ехавшему впереди нее, тот передал слова ее дальше, пока они не дошли до головы отряда. Проводник остановил своего оленя. Тотчас стал весь табун. Мать сошла на землю и, невзирая на мороз, стала распеленывать своего сына. Раздев до нага маленького буяна, она положила его в снег и, смеясь и что-то приговаривая, стала обсыпать его еще снегом и сверху. Ребенок барахтался и надрывался от крика. Я не мог понять, в чем дело, и был так поражен этим необычайным зрелищем, что готов был броситься к ребенку на помощь.

Купание в снегу продолжалось не более одной минуты. Затем мать подняла свое дитя, нежно поцеловала его и быстро стала завертывать в рысий мех, потом уложила его в зыбку, ловко вскочила

на своего оленя и крикнула проводнику, что можно итти дальше. Минуты через три ребенок успокоился и всю дорогу спал, как убитый.

— Ведь этак ребенка можно простудить, — обратился я к Попову.

— Нет, — отвечал он. — От этого он не заболеет. Нам часто приходится зябнуть на охоте, а как придешь в юрту, завернешься в шубу и так крепко уснешь, что добудиться не могут.

По мере того как мы продолжали наш путь, снег становился глубже. Олени умерили шаг и пошли медленнее. Для нас же с Поповым это не имело никакого значения. Мы были на лыжах и не только не отставали от отряда, но порой даже обгоняли его.

152500

Нашим проводником был тунгус небольшого роста, тщедушного сложения, лет сорока пяти. В черных волосах его, росших в большом беспорядке, уже белели серебристые нити. Лицо этого человека было самое заурядное, с загорелой кожей, немного скуластое, а глаза имели такое выражение, как будто он всегда всматривался в даль.

Мы шли по местности донельзя однообразной. Хоть бы какой-нибудь предмет, на котором можно было бы остановить свой взор. Ни зверей, ни птиц, никаких следов, и так изо дня в день подряд шесть суток! Это однообразие утомляло меня, я шел лениво.

Однако наш проводник вел себя иначе. Он часто оглядывался назад и внимательно смотрел по сторонам.

— Не сбился ли с дороги наш вожатый? — спросил я Попова.

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

— Почему вы так думаете? — спросил он меня в свою очередь.

— Да он все оглядывается и как будто ищет чего-то.

— А это потому, — отвечал Попов, — что он идет здесь первый раз.

— Как же он ведет нас? Какой же он проводник? — невольно воскликнул я, крайне удивленный.

— Он знает дорогу, — успокоительным тоном сказал Попов. — Ему старик Ингину рассказал путь на шесть дней вперед. Сегодня мы придем на условное место, где должны встретиться с другими тунгусами, которым мы передадим двух женщин с детьми. Эти тунгусы уже предупреждены недели три тому назад.

Слова моего спутника озадачили меня еще больше. Как можно запомнить дорогу в тундре хотя бы на один день? А ведь этот человек запомнил все со слов другого на шесть суток вперед! Очевидно, тундра для него не так уж однообразна, как это кажется мне. Очевидно, от его внимания не ускользает целый ряд таких предметов, которых я вовсе не замечаю.

После разговора с Поповым мы еще часа два с половиной шли по оленьим следам. Когда ослепительное солнце прошло по небу бо́льшую часть своего пути и когда от нас по снегу потянулись длинные уродливые тени, мы увидели разбитые палатки наших спутников-тунгусов и оленей, пасущихся на воле.

— Ну вот, — сказал Попов, — мы и дошли до того места, где должна произойти встреча двух отрядов

Я оглянулся кругом. Нигде не было видно ни зимовья, ни следов костра, ничего такого, что указывало бы, что место это является перекрестком двух путей.

Здесь мы простояли двое суток. За это время я успел вычертить свои съемки и сделать все записи в дневниках. К концу третьего дня я стал беспокоиться и высказал Попову опасение, что, может быть, мы попали не туда, куда следует. Как раз в это время в палатку вошел один из тунгусов и сообщил, что другой отряд приближается. Мы вышли наружу, но в тундре ничего не было видно и ничего не было слышно.

— Взгляните на оленей, — сказал Попов. — Видите, они часто поднимают головы и подолгу смотрят в одну сторону.

Минут десять я простоял на морозе и, не дождавшись гостей, вернулся в палатку.

Спустя некоторое время Попов снова вызвал меня наружу.

Вечерело... На западе вздымалась к небу какая-то мгла, похожая на дым. Солнце тонуло в ней, большое и красное, опять предвещая на завтра „туманный мороз“.

— Слушайте, — сказал мне Попов.

Я насторожился, и до слуха моего донеслись звуки деревянных побрякушек, которые тунгусы, за неимением металлических бубенцов, вешают на шеи своих оленей.

Вслед затем из перелеска выехал человек на большом седловом олене, а за ним длинной вереницей тянулись остальные вьючные животные.

Увидя наши палатки, человек остановился на минуту, осмотрелся и пошел немного влево. Это были те самые тунгусы, которых мы ждали.

Они расположились стойбищем шагах в четырехстах от нас.

Через час вновь прибывшие были у нас.

По следам неизвестных людей.

На следующий день, передав вновь прибывшим тунгусам двух женщин с детьми, мы продолжали свой путь на юго-восток.

Суток через двое характер тундры стал меняться. Местность сделалась более всхолмленной, появились ручьи с высокими берегами, покрытыми хвойно-смешанным лесом. Тут было много звериных следов, между которыми преобладали следы лосей и изюбрей.

Но вот лес сразу оборвался, и перед нами снова развернулась обширная тундра, поросшая приземистой редкой лиственницей.

Тундра и лес не стоят мирно друг против друга. Уже давно идет борьба между ними. Иногда тундра наступает на лес, отнимая у него участки земли, иногда лес переходит в наступление.

Когда тундра забирается в тыл леса или лес значительными участками располагается в тылу тундры, то образуются перемежающиеся участки тундры и леса: это *лесотундра*.

Олени ушли далеко вперед. О местонахождении их можно было узнать по пару, который столбом поднимался кверху от вспотевших животных.

Мы с Поповым шли потихоньку на лыжах и разговаривали между собою. Вдруг тунгус заметил, что

оленью дорогу пересекали какие-то другие следы. Он остановился, внимательно посмотрел на них, а потом, как бы раздумывая о чем-то, сказал:

— Два человека шли: один—высокий, молодой, другой—низенький и пожилой.

Действительно, кто-то шел по снегу без лыж, причем один пешеход раздвигал коленями снег, а другой шагал прямо через сугробы. Шаг последнего был уверенный и сильный. Маленький человек больше наступал на пятку, как это делают старики, и часто отдыхал.

— Это русские,—сказал Попов.—Оба они в сапогах.

Тунгусы носят обувь без каблуков с мягкими подошвами.

Вскоре он опять остановился и добавил:

— У маленького в руках была палка. Он нес ружье на ремне через левое плечо, а потом перебросил его через другое плечо.

— Это почему?—спросил я удивленно.

Вместо ответа тунгус указал мне на следы. Там, где низенький человек оступался между кочками, приклад его ружья делал отметки на снегу. Сначала эти отметки были с правой стороны, а потом стали появляться с левой.

Немного дальше Попов поднял корку хлеба, по которой он заключил, что поблизости есть зимовье, где можно выпекать кислый хлеб. Тот, кто далеко уходит в горы, несет с собой только сухари.

Некоторое время мы шли молча, и оба внимательно рассматривали следы. В одном месте снег оказался истоптанным на пространстве четырех квад-

ратных метров. Присмотревшись к следам, я понял, что неизвестные люди здесь отдыхали, причем один из них стоял, а другой сидел на снегу.

— Один человек курит, а другой нет,— заметил Попов, указывая на снег.— Вот тут стоял большой человек и свертывал папиросу,— продолжал тунгус.— Он немного просыпал махорки, а тот, что поменьше ростом, ждал, когда товарищ его закурит. У них был обтертый коробок, и они попортили много спичек. Потом большой человек протянул маленькому руку и помог своему товарищу встать на ноги.

Действительно, этот последний, вставая, не поворачивался набок, а крепко уперся на ноги и глубоко вдавил снег каблуками.

Эти догадки чрезвычайно заинтересовали меня. Мы двинулись дальше. Вдруг Попов обернулся ко мне и сказал:

— Большой человек сегодня утром ел много соленой рыбы. Его мучила жажда, и он всю дорогу хватал снег горстями.

Следы стали забирать влево к лесу. Вдали виднелся наш караван. Тоненькой змейкой извивались олени между сугробами. Отстававшие животные казались маленькими темными точками.

Мы взяли направление прямо на них и быстро пошли по затвердевшему снегу. Вскоре олени остановились и сбились в кучу. Когда мы подходили к ним, тунгусы развьючивали их и собирались ставить палатки.

— Пойдемте, поищем людей,— предложил мне Попов.— Они где-нибудь тут недалеко.

— Как это узнать?— спросил я своего приятеля.

— Они здесь прошли,— отвечал он, указывая на следы.— Без лыж по такому снегу далеко не уйдешь.

Доводы эти были вполне убедительны. Оставив тунгусов устраивать стоянку, мы свернули вправо и пошли дальше по следам, которые скоро привели нас к реке. Многочисленные порубки свидетельствовали о том, что те, кого мы ищем, стоят здесь давно и находятся где-то совсем поблизости.

— Погодите, там слышны удары топора,— сказал Попов, указывая на реку.

Не успели мы сделать и двухсот шагов, как увидели дым, а затем и зимовье, сложенное из бревен, а около него двух лошадей. От зимовья вниз по реке шла санная дорога. Когда мы подходили к жилищу, худая собака встретила нас злобным лаем.

Здесь мы застали трех человек: кривоглазого старика с седою бородою, одетого в какую-то ватную кацавейку, и двух лесорубов. Один из них, как Попов предполагал, был действительно высокого роста, лет тридцати; другой значительно старше и ниже ростом.

Из расспроса выяснилось, что это рабочие лесозаготовительного завода. Старик был караульщиком и кашеваром, а другие двое только два дня назад приехали из Хабаровска и вчера ходили смотреть, много ли кедра в лесу.

Когда я сказал им, как они шли, как несли ружье, кто из них курил и кто ел соленую рыбу, они очень удивились и спросили в свою очередь, откуда я знаю такие подробности. Я указал на своего спутника и сказал, что все это он усмотрел по следам.

— Вот диво! — воскликнул высокий лесоруб. —

Значит, от них (он кивнул головою в сторону Попова) никуда не скроешься. Верно говорили старики, что в лесу надо вести себя хорошо. Выходит, что в городе легче скрыться, чем в лесу.

Время близилось к сумеркам. Мы распрощались с нашими новыми знакомыми и пошли к себе на стоянку.

*

Фактория на полуострове Ямал,

На новую факторию.

В 1932 г. на побережье полуострова Ямал открылись три новых фактории. Полуостров Ямал тянется к северу от устья реки Оби более чем на 700 километров.

По побережью Северного Ледовитого океана, в тундре и тайге раскинута сеть советских факторий. Из факторий местное население снабжается нобходимыми для него предметами в обмен на пушнину, оленьи шкуры и другие продукты местного промысла; фактории наравне с хозяйственной занимаются и культурно-просветительной деятельностью.

На полуострове Ямал процветает охота на песца. Фактория, в которой мне предстояло работать, должна стать центром по приему пушнины. Ее местоположение намечено в устье реки Тамбей, на два градуса севернее Нового порта. Новый порт — самый крайний населенный пункт на Обском побережье.

Сотни километров нас будут отделять от ближайшей почты, телеграфа, газеты, радио.

Полная оторванность!

Мы будем первыми оседлыми поселенцами на этом далеком и малоисследованном берегу Ямала.

Высадка у устья реки Тамбей

Пароход „Микоян“ с зимовщиками, с запасами и оборудованием для факторий держал курс на север по широкой, как море, Обской губе. Бо́льшая часть пути по Обской губе уже осталась позади.

Вдруг кто-то крикнул с палубы:

— Земля!

Кинулись на палубу смотреть — никакой земли!

Только на самом краю горизонта чуть приметна каемочка, по цвету почти не отличимая от общего серого тона неба и воды. Не верится, что это земля.

„Микоян“ повернул влево к берегу. Идет медленно, осторожно, с промером.

Каемочка берега неподвижна — не исчезает, но и не увеличивается. Час, два, три смотрим до боли в глазах—перемены нет. Солнце скрылось, каемка заслонилась наплывшим туманом, и опять ползут томительные часы.

Подходим к берегу больше половины дня. Земля наконец придвинулась. Видны невысокие, но крутые берега и длинные плоские мели, выставившие из воды свои песчаные спины.

С расстояния 2 километров мы в бинокль не могли рассмотреть на берегу ни единого кустика или травки. От гладких мелей начиналась такая же гладкая полоса берегового песку, а затем круто поднимался вверх невысокий откос возвышенности. Все это одного скучного песчано-серого цвета. Создавалось впечатление местности пустынной, мертвой.

Голый песок. У берега он омыт и прилизан водой, выше наворочен буграми и кучами. Ясно видно, как ветер срывает и несет тучи пыли.

...Вплоть до ночи я просидел на верхней палубе и смотрел не отрываясь. Хотелось подметить хоть намек на жизнь. Понемногу поднялась вода. Вечерний прилив покрыл отмели, и мелкие волны перестали танцовать.

Ничего живого я не высмотрел ни на земле, ни в воде — ни зверя, ни рыбы, ни растений. Лишь чайки порой летали вверху, и их жалобный неприятно резкий крик усиливал унылый вид.

И ночи, в сущности, не было. Какая-то белая муть делала очертания берега неясными. Через час муть эта стала исчезать. Но тут откуда-то появился не призрачный, а настоящий туман — сырой и студеный. Сквозь полушубок просочился холод, руки посинели.

Утром поехали в лодке на берег.

Тихо, тепло свѐтит солнце. Для первых чисел августа, конечно, могло бы быть чуточку пожарче. Даже в Тобольске, не говоря уже о юге, в эти дни душно и знойно. Но и здесь можно жить. Денек — красота! Я скинул полушубок и приналег на весла.

Лодка ткнулась в песок и стала. До берега — шагов двадцать по воде. „Полярные“ спецсапоги моментально промокли, а когда я взбирался на береговой откос, то сыпучий песок оказался глубже воды. Но он нагрет солнцем и тепел—этот песок. Теплота передалась через сапоги; я погрузил в песок руки. Теплый, почти горячий!... Вчерашнее мое настроение стало таять в этом тепле: раз есть тепло — значить, есть жизнь!

Выскочив на гребень, я ахнул: насколько видит глаз, расстилалось море трав. То повышаясь, то спадая, уходила тундра куда-то вдаль. Все оттенки зелени—от светлоизумрудного до оливкового, от ярко-зеленого до желтоватого и коричневого, как ржавчина,—развернулись большими и малыми пятнами, как на огромной картине.

Шмыгнула мышь и скрылась под бугорком земли, поросшим травой. Заглянул туда—норка. А вот другая, еще и еще... У нор не растет трава—вытоптано. Значит они обитаемы, эти подземные жилища.

Какие-то мелкие птички стайкой перелетают с места на место, гоняются друг за дружкой, звонко попискивая. С громким кряканьем, натужно и тяжело пролетели три пары уток.

Жизнь, жизнь!..

Я шел очарованный. Местами нога уходила по щиколотку в мох, местами хлюпала под сапогом вода... По буграм стелился серебристо-зеленый ягель, такой нежно-ажурный и красивый, что, казалось, его нарочно сделал ювелир-художник из драгоценной эмали.

И уж окончательно меня сразила ромашка—обыкновенная ромашка.

Я присел возле нее, понюхал, потрогал—настоящая ромашка. Маленькая, тонюсенькая, бледненькая.

Первые дни. Постройка фактории.

С первых же дней выяснилось, что на этом пустынном берегу—великолепная охота. Одному из плотников удалось настрелять полдюжины куропаток в двадцати шагах от фактории.

По губе и в озерах стайками плавают утки. Над головами то и дело пролетают гаги, гагары, иногда даже гуси. Гусь осторожнее прочей здешней птицы. Он летит высоко и старается поменьше вертеться около людей. Но и гусей много.

Ямал обещает немало открытий. Неисследованная тундра, неопознанная глубь озер, сокровенные недра долин и гор, особенно гор. Они вздыбились на середине полуострова во всю его длину. На них берут начало реки восточного и западного склонов. И они, как весь Ямал, совершенно неисследованы.

Может быть, этот застывший полярный край таит в себе громадные сокровища!

Семнадцать плотников работают не спеша. „Микоян“ высадил нас и ушел дальше к северу; до возвращения его мы располагаем длинным сроком.

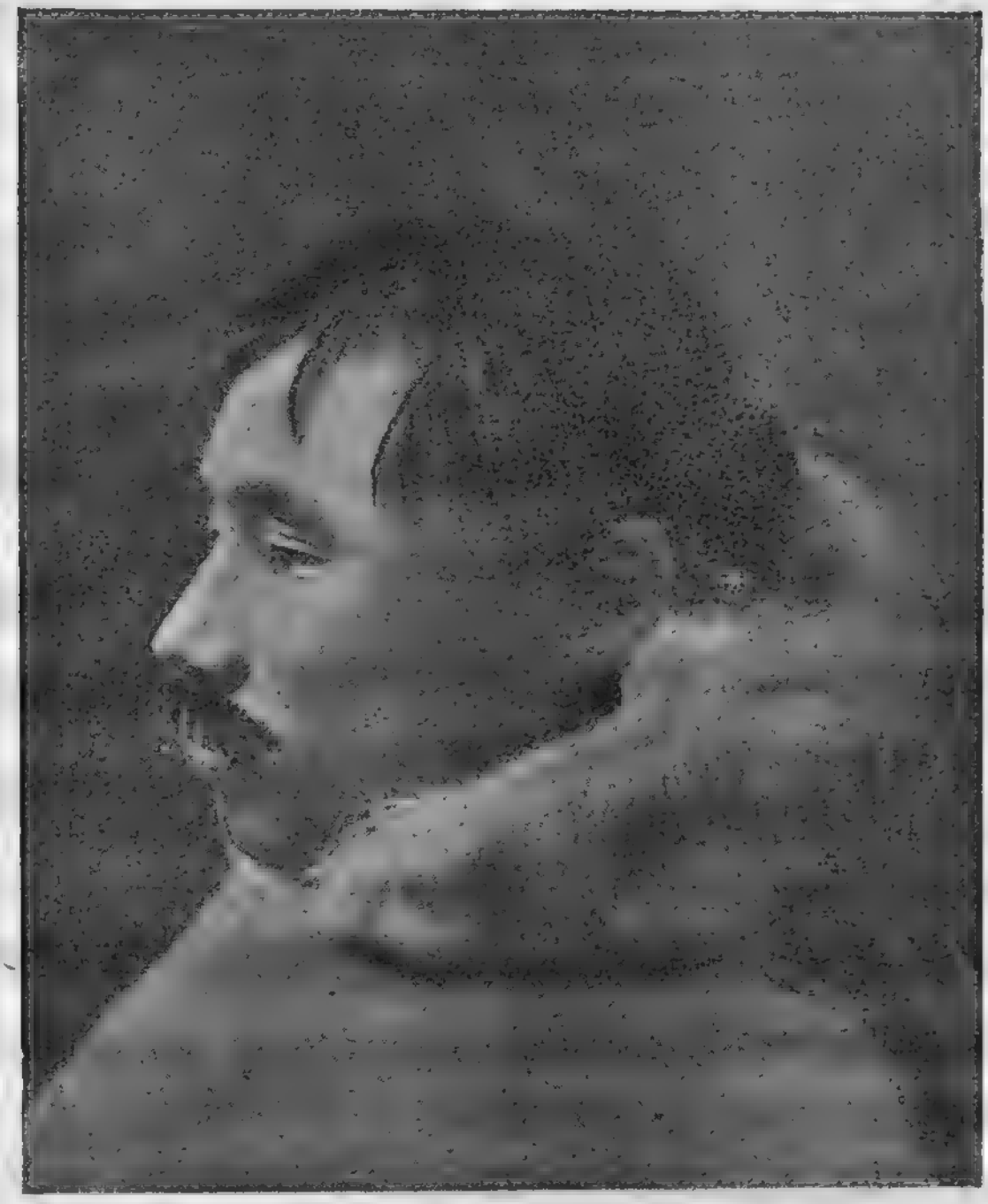
Стройка идет планомерно. Строим избу из двух комнат, разделенных посредине сенями. Материалов хватило и на склад и на крытый дворик-сарай.

Вот уже две недели, как мы высадились и выгрузили товары, а ненцев еще не видали. Это начинает не на шутку волновать нас. Все догадки сводятся к одному: ненцы, очевидно, не знают о нашем прибытии.

— Нам необходимо торговать! — говорит Вахмистров.

Да и есть нечего! Если не добудем от ненцев оленины, то придется круто — солонина на исходе.

23 августа приехали две ненецкие нарты, привезли первые песцовые шкуры и, между прочим, сооб-



Ненец.

щили, что на Ямале уже известно о новой фактории. Кочевья мало-помалу подвигаются к нашим берегам; их странствование по полуострову находится в зависимости от количества оленьих пастбищ и от промыслов.

Через день приехали другие, потом еще и еще. Ежедневно стали появляться новые и новые песцы.

31 августа пришел „Микоян“ и забрал плотников и печников.

Вот теперь уж мы остались одни! Это до будущего лета.

В первые дни по уходе „Микояна“ сотрудники фактории сильно чувствовали заброшенность и си-

ротливость. Стало как-то напряженно тихо вокруг дома. Ни плотничьих топоров, ни песен, ни веселых перекликающихся голосов.

Под будничную домашнюю работу каждый обдумывал про себя свои мысли, по-своему переживал свое настроение.

Однако постепенно это проходило — затягивала работа.

Прежде всего принялись за устройство общежития в комнате, освобожденной артелью. Повытаскали нары, столики, открыли окна, затопили печи. Я вооружился деревянным молотком и конопаткой, конопатил свисавший со стен волосатый мох, аккуратно подрезая его топором.

В устройстве помещения мне помогали три женщины, и комната понемногу принимала жилой вид. Каждый для себя построил перегородку. Получилось несколько маленьких комнатушек с широким проходом посредине. В дверях и у кроватей запестрели занавесочки — беленькие, цветные. И пол чистый, и в печке потрескивает огонь — чем не жилье? Грубо, конечно, хмуро, могло бы быть благоустроенней и уютней, но ведь здесь Ямал — в переводе: *край земли*.

Я с заведующим факторией Аксеновым устраиваемся в другой половине дома — в „служебной". Он сооружает лавку с полками и прилавками. Я — крохотную амбулаторийку, в которой и поселюсь. Размеры амбулатории — два с половиной метра в ширину и столько же в длину. Это немного, но стол, стул, койка поместятся. Шкаф составит часть одной из перегородок. По стенам приспособлю полки, доски

выстрогаю рубанком, чтобы выглядело почище, оклею синей бумагой — будет отлично.

Длинную зиму придется проводить преимущественно в четырех стенах, и мне хочется сделать эти стены возможно краше и приветливей. На синем цвете оклейки отдыхает зрение. Развешу карты Севера. Полки и шкаф задрапирую занавесками. Придется много времени проводить за рабочим столиком — это предусмотрено: я запасся лампой с зеленым колпаком — низенькой и удобной.

За ягелем.

Первая работа, отнявшая у мужчин три дня, заключалась в переносе товаров из шатра в склад. Затем отправились в тундру за мхом. Его нужно было запасти на зиму для подстилки поросятам. Одного нашего поросенка загрызла собака, остальных мы берегли, чтобы разнообразить наши обеды.

Собирать ягель — одно удовольствие. Погода отличная. Установилось полярное „бабье лето“. Светит и даже греет солнце. Если бы не постоянные ветры, приносящие то стужу, то внезапный дождь, было бы совсем недурно.

С рогожными кулями через плечо, в сопровождении стаи собак, мы отправляемся на запад, к холмам. Мы научились обходить топкие места в тундре и добираемся до возвышенностей, не промочив ног.

На буграх стелется ягель—„олений мох“. Он очень красив. Его веточки тонкого, ажурного, причудливого рисунка похожи на то, как мороз расписывает оконные стекла. И цвет нежный-нежный, серебристо-зеленоватый. Это в первый год его роста, когда он

наливается вкусовыми и питательными соками, которые для оленя ни с чем другим не сравнимы. В следующие годы ягель буреет, потом становится совершенно черным, жестким, как проволока. На буграх мы находим обширные площади, покрытые свалявшимися клубками старого черного ягеля. Его так много, что в каких-нибудь 3—4 часа мы набиваем все кули доверху. Мнем коленями, увязываем. Он топорщится и пружинит, однако мы уже научились набивать в куль до 25—30 килограммов.

Старый ягель — прекрасное топливо для костра. Им пользуются ненцы в чумах. Что-то лакомое находят в нем поросята: старательно роют носами, перебирают, жуют, удовлетворенно хрюкая. Сухой и пружинный, он служит хорошей подстилкой. Свиньи спят, как на матраце, пока не смочат. Тогда вид ягеля отвратительный — грязный, черный, хуже навоза. Мы наметили собрать на зиму до ста кулей.

Осенью началась полоса дней, совершенно нормальных для нас: установились ночи и дни, закаты и восходы солнца, утренние и вечерние зори. Это очень хорошо.

Сенокосный сезон. Охота.

„Бабье лето“ здесь обильно красками. Хороших дней больше, чем ненастных. И ветры щадят эту пору увядания природы, словно великодушно предоставляют всему живому подготовиться к суровой и долгой зиме.

Ночи заметно удлинились. К утру вся тундра становится белой и яркой. Каждая былинка набухла

от инея, стала мохнатой, пушистой, в палец толщиной. Кристаллы инея крупны, четки, богаты световой игрой, как граненые хрусталики. При солнце на тундру больно смотреть — белизна ослепляет.

Однако убор не прочен: Тает даже в пасмурную погоду, а солнце растапливает снеговую парчу в полчаса.

Вася запрягает лошадь. Забирает косы, грабли и кули. Отправляемся к озерам на поиски сенокоса.

Тундра стала пятнистой: травы потемнели, некоторые виды лишайников, наоборот, ярко зазеленели и закурчавились.

Травы, увядая, прекрасно пахнут. Кое-где в затишных местах, на солнечной стороне кочек и бугров видны цветы. Выглядят скромно—бледные, едва окрашенные, почти без запаха.

И воздух, как стеклянный: чист и звонок.

Хорошо в тундре в погожий день „бабьего лета!“

Для косы нет простора. По канавам и у крошечных озерков, рассыпанных по тундре в великом множестве, растет высокая густая трава, но косой не размахнешься. Кочки, бугорки, многолетние клубки мелких корней. Серпа у нас нет. Приходится ехать дальше.

У цепи больших озер нашли подходящую площадку. Вася делает прокос из конца в конец шагов полсотни, возвращается обратно. По косьбе он спец. В его руках коса ритмично поет. Трава реденькая и низкорослая, ее трудно свести в валик. Но Вася ловко действует „пяткой“ косы. Ему удается почти совершенно не рассыпать траву. Косить, как он, никто больше на фактории не умеет.

Я собираю сено граблями, переношу в одну копенку.

Сено готово уже на корню: желтое, высохшее— шуршит. Дело двигается медленно. Три-четыре часа упорной работы дают одну копну. Собираем меньше 16 килограммов в час.

Закончив найденную площадку, расстилаем на свежем сене плащи и отдыхаем. Полулежа отлично завтракаем.

Возле нас растягиваются собаки, уставшие носиться по тундре и откапывать мышей. Самый крупный пес „Роберт“ сегодня на моих глазах разрыл когтями три норы и съел живьем трех больших мышей-пеструшек.

Пегашка пасется, привязанный на длинной веревке. В десяти шагах озеро — тихое, гладкое и светлое, как зеркало. По ту сторону растет высокая и густая трава, но там топь. Вскоре мороз должен сковать ее — тогда мы в час накосим столько сена, сколько теперь собираем за день. Однако может случиться, что выпадет снег и завалит траву. Мы не успеем ею воспользоваться. Невольно Вася и я об этом думаем.

На сене клонит ко сну, чудесно пахнет травой, тишину нарушают только фырканье лошади да ближнее кряканье уток. Они собираются в теплые края. Молодые выводки проходят последнюю учебу: под присмотром родителей стайками перелетают с озера, на озеро.

Гуси уже тронулись. Вечерами на большой высоте видны гуси, улетающие на юг. Сверху несутся их прощальные крики.

И кулички улетают. Осталась лишь самая крупная порода, да и та уже собирается к отлету в многочисленные стайки.

Только чайки и гаги, кажется, не обращают внимания на приближающуюся зиму. Они долгими часами спокойно сидят на воде бухты, не торопясь плывут туда и обратно, в двухстах метрах от берега. Ныряют за рыбой, несколько минут остаются под водой, а затем вновь плывут, изредка отряхиваясь.

Однако валяться некогда. Получасовой отдых — и снова берем на плечи косу, грабли и направляемся дальше на поиски.

Приходит на ум, что так, по крохотным порциям, чуть не по граммам, мы не соберем необходимой нам тонны сена. Не сегодня-завтра грянет зима, а на лысых покосах только зря машешь руками.

Но мы подтягиваемся и, не высказывая друг другу мыслей, упорно шагаем в глубь тундры, исследуем каждое сколько-нибудь подходящее место.

И вновь с визгом позванивает коса, вновь я старательно подбираю граблями каждую травинку, слаживаю свежую копенку.

Так несколько дней бродим мы вдвоем по тундре. На каждой копенке, собранной по щепоткам, мы ставим маячный знак: грабли, палку.

В ночь на 25 сентября ударил первый мороз, градусов на 10. К полудню иней стаял, и мы отправились за сеном вчетвером — все мужчины фактории.

На озерах гладкий и скользкий лед. Переходим поодаль друг от друга. Лед трещит. Местами разбегаются в сторону лучи трещин. Некоторые из болот,

те, что помельче,— отвердели. Корка под ногой зыблется, но это неважно.

Работа в две косы пошла ходко. За три часа мы собрали большую копну. Это подбодрило нас.

— Не робей, Пегашка! Вызволим — перезимуешь!

Так сборка сена приблизительно выполнена. Вдвоем с Васей мы за шесть походов к озерам накосили 22 куля. Хотя точно не взвешивали, но в среднем считалось в куле 25 кило, запас достаточен.

11 октября Аксенов уехал на Дровяной мыс и с дороги дал знать записочкой, что в 7—8 километрах он наткнулся на великолепную траву.

Мы тотчас же поехали. Действительно, трава замечательная. Густая, по колено ростом, она занимает луг гектаров в десять. Здесь можно было бы собрать целые стога. Но мы опоздали. Выпавший ночью снег покрыл траву.

В тундре появилось множество полярных куропаток. Они, конечно, были и раньше, но сидели по гнездам с птенцами, и летом их серое оперение не отличимо от земли. Теперь же куропатки стали белыми, а так как снег еще не совсем покрыл траву, то на пестром фоне травы белая птица отлично видна издали.

Мы встретили первую стаю куропаток штук в двести. Вася схватил ружье и, по-охотничьи наклонившись, пошел к ним. Птица подпустила его на 15—20 шагов. Но в это время наша собака спугнула стаю. Вася не стал бить влет, решив использовать доверчивость птиц в следующий раз.

Через полчаса встретили вторую стаю. Опять собака разогнала ее. Потом еще и еще — та же исто

рия. Дурацкие псы носились на километр впереди нас и с громким лаем гоняли куропаток, не давая нам приблизиться.

Рабочий день.

Десятки, сотни больших и малых дел для наших женщин. Их три: пекарь Поля Дорофеева, ее помощница и уборщица. Дел много. Надо накормить свиней, лошадь, собак. Замесить, разделать, во-время посадить в печь и во-время вынуть хлеб. Приготовить работникам фактории завтрак, обед, ужин. Несколько раз в день вымыть посуду, лари, ведра — всю кухонную утварь. Ставить бесчисленные самовары, угощать приехавших ненцев, следить, чтобы каждый остался доволен, никого не обделить. Чистить свинарник, мыть полы, стирать белье, топить печи, носить воду, изредка купать поросят и ухаживать за бесчисленными лампами, коптящими и капризничающими при малейшей небрежности.

Несколько позже включаются в рабочий день мужчины.

Встает Аксенов (заведующий факторией), отпирает лавку и наводит в ней порядок. Вася Соболев, наколов дрова, запрягает Пегашку, отправляется или возить уголь с берега к избе, или за сеном, за мхом в тундру. Счетовод пофыркал и поплескался у рукомойника, сел к столу и щелкает деревяжками счетов, обложился папками и книгами.

— Завтракать, товарищи!

Садимся за общий стол в кухне. На завтрак часто жарят рыбу или пекут пирог с рыбой. Поля не знает кулинарных тонкостей. Кушанья приготовлены про-

стые, но сытные и вкусные. Порции — огромные, ешь сколько хочешь. В городе такого аппетита и быть не может.

Оленье мясо вкусно — лучше говядины. Иногда ненцы привозят оленьих телят — великолепное жаркое. Что касается рыбы, то какой бы сорт ни взять — все превосходны. И чир, и омуль, и селедка, и местный сиг — поджаренные или в ухе — на редкость вкусны, малокостны и ароматны. Об оленьих языках и говорить нечего — это самое большое лакомство.

Мы целый день на воздухе, в движении: аппетит волчий. Съедаем столько, что в городской жизни это показалось бы ненормальным.

Еще нет одиннадцати, и мы не закончили чая, как на нартах являются гости. Входят ненцы неторопливо, с мешками в руках. Начинается купля-продажа.

Иметь постоянное сношение с ненцами и поддерживать в помещении чистоту — вещь весьма трудная, требующая большой бдительности.

Причина же — условия существования, в которые втиснула их жизнь. Девять месяцев в году здесь зима. Ненцы кочуют со своими чумами и, чтобы добыть воду, растапливают зачастую снег в чайнике или котелке на скупом огне костра. Недостаток топлива — острейший вопрос, проходящий не только через всю жизнь полярного кочевника, но и через всю его историю. Огня, тепла, топлива нехватало этим людям во все бесконечные века. Они в состоянии добыть только тот крайний минимум горячей воды, какой необходим для пищи и питья. Им нечем стирать или мыть, и поэтому — только поэтому! — быт их сло-

жился так, что они ничего не стирают и не моются. Это продиктовано условиями жизни.

Даже в разгар лета вода в полярных озерах, реках и морях так холодна, что купаться нельзя.

Конец „бабьего лета".

Вплоть до 25 сентября стояла хорошая, теплая погода. От ночных заморозков тундра желтеет и сохнет, прикрывается белым убором. По утрам иней тает: солнце хотя и висит низко над горизонтом, но свое дело делает исправно — светит, греет, ласкает тундру.

Растительность постепенно умирает, земля отходит к зимнему сну.

В ночь на 25 сентября ударил значительный мороз, градусов на 10—12, выпал снег. В оврагах и ямах его надуло на метр. Гладкие места на 3—5 сантиметров покрыты белым, точно припудрены. Это уже зима. С этого дня снег не исчезал.

Птицы улетели. Остались лишь гаги, плавающие по водам бухты, и бесчисленные стада куропаток, пасущихся на солнечных склонах холмов.

Полярная ночь.

25 октября ударил сильный мороз, не меньше 20 градусов, при страшном ветре. Намело сугробы. Овраги и протоки заполнились до краев, сравнялись с тундрой.

Я с Васей ездили закладывать рыбу и мясо для приманки песцов и не смогли найти озеро, хотя хорошо, кажется, изучили дорогу к нему. Где раньше

были шестиметровые овраги, выросла возвышенность. Рельеф стал неузнаваем.

С конца ноября началась полярная ночь. Солнце не показывалось из-за горизонта в течение двух месяцев.

По ночам мы видим полярное сияние.

Полярные сияния правдоподобно описать очень трудно. Они многокрасочны и по очертаниям очень изменчивы.

Причудливость форм сияний необычайна. Я не видел двух сияний, похожих друг на друга. Они всегда разные. В очертаниях их нет точных граней. Все расплывчато, все границы теряются постепенно, исчезают неуловимо.

В тихие ясные ночи белый простор тундры в сочетании с полярным сиянием создает впечатление мертвого покоя.

Пушнина.

Вот уже наступает конец полярной ночи. Вчера, 25 января, впервые после двухмесячного перерыва, мы увидели солнце. Не солнце, собственно, а его лучи из-за края горизонта. У ненцев идет оживленный лов песца. Бывают дни, когда они привозят по 20—30 штук. Однажды доставили за день 63 штуки!

Однако сорт меха не высок. Все больше молодые песцы, мало пушистые. Они совершенно не похожи на те великолепные экземпляры, которые привозили к нам ненцы из своих неприкосновенных запасов. Старый, пышный и дорогой зверь осторожен и в капкан не идет. Его трудно добыть. Он попадает один из сотни и реже.

Бывали дни, когда ненцы привозили в факторию большие партии пушнины.

Изредка привозят россомаху. Я не видел этого зверя живым. Шкура же производит неприятное, жуткое впечатление. Толстое, мощное туловище на коротких сильных лапах с здоровенными когтями. Зубы могучие. Видно, зверь сильный и опасный, бурой окраски, с черными полосами на спине и боках. Он следит за песцовыми капканами, и если охотник опоздает, то находит в капкане лишь следы добычи: россомаха поедает попавшихся песцов. У нас были случаи, что туземцы привозили лишь половину песцового меха — другую съела россомаха.

Из меха россомахи должны выходить отличные воротники, вроде медвежьих, только мягче, нежнее и пушистее.

Привозят, хоть и редко, волков. Один попал в капкан лапой и замерз, не сумев вырваться. Его

привезли неободранным. Огромный зверь, с ощетинившейся от предсмертного ужаса шерстью, с яростно оскаленными зубами. Мы его в целом виде, будто живого, поставили на крыше дома. Он стоит, оскалясь в снежную даль. Ночью производит жуткое впечатление. Кажется, что вот соскочит и кинется, вцепится в горло мертвой хваткой.

Собаки ходят мимо, щетиня шерсть. Ночью лают на зверя, даже воют протяжно и жутко, оборотя тоскующие морды в сторону тундры, в бесконечную снеговую пустыню, где, может быть, чуют таких же, как наш на крыше, матерых волков.

Живых мы не видели. Один раз в светлую, лунную ночь, украшенную полярным сиянием, я отошел километра за три от фактории по направлению к озеру. И там за ближними буграми увидел несколько темных зверей. Один сидел на белом снегу без движения, другие перебегали с места на место. У меня в руках была лишь палка — я не охотник и ружья никогда не ношу. Разумеется, я поспешил вернуться к дому.

Голоса волков иногда доносились до нас в ночной тиши. На них откликались наши псы, задрав головы вверх и выводя высокие ноты, с тоскливым собачьим надрывом.

Весна.

А весна уже и здесь, близ Ледовитого океана, идет неуклонно и настойчиво. Солнце светит круглые сутки. На припеке тает снег.

К началу апреля прекратились полярные сияния— слишком много солнца и почти нет темноты.

12 апреля прилетели снегири. Их писк уже ясно говорит, что весна не за горами.

Снегири, так же как и воробьи, держатся близ дома, они сильнее напоминают о близости весны. 17 апреля прилетели полярные ястреба — большие хищные птицы. 20 апреля — прилет чаек. А на следующий день услышали в выси крики гусей.

Гуси летят косяками по 30 — 40 штук, держатся высоко-высоко и приветствуют Ямальскую землю громким гоготом.

Вслед за гусями низко и тяжело летят утки.

Бураны с морозами—уже редкость. Снег падает мокрый, вперемежку с дождем. Наносы и горы снега вокруг дома заметно тают и уменьшаются на глазах.

С 16 апреля вновь затопили товарную хлебную печь. Выпекаем свыше 400 килограммов хлеба в сутки. Для ненцев хлеб в настояшее время играет большую роль. Они запасаются им по 160 — 240 килограммов на каждый чум, так как уходят далеко от фактории на летние промыслы. Летом передвижение по тундре на нартах тяжело.

Если бы печь выпекала вдвое больше хлеба, весь разошелся бы без остатка. Спрос огромный.

На топливо отрыли бревна, собрали доски, жерди, разбросанные по двору. Каждая найденная щепка идет в дело.

И все с большей настойчивостью мысль тянется к торфу.

Надо во чтобы то ни стало поставить на очередь разработку торфяных пластов.

Разрешение топливного вопроса в высокой степени упростит жизнь фактории. Разработка торфа — весьма крупное дело для Ямала.

Наш дом насквозь промок. С крыш капает, висят сосульки. С потолка в комнату ручьями течет. Я три дня проработал на чердаке, убирая снег. Хуже всего, что мох, смешанный с песком и устилающий чердак для тепла, смерзся и, оттаивая, также дает сырость и воду.

На дворе протянуты веревки. Развешанные на них оленьи шкуры сушатся на солнце.

Но по временам вдруг налетает туман, дождь или мокрый снег. Развешанный мех нам некуда убирать. Он мокнет, и после мы его опять и опять сушим.

Обсушиваем помещение склада Оно все в дырах и щелях. Снегу за зиму набилось полно. Теперь мы его выбрасываем, обметаем тюки, ящики, мешки с товарами.

Мука отсырела, то же сахар, папиросы и т. п. Их трудно и негде просушить.

Приходится как-то устраивать, чтобы дать доступ ветру к товарам.

Вообще при нашей тесноте и плохом оборудовании склада крайне трудно уберечь товары. Мыши возятся под мешками. Они — подлинный бич кладовых. Нет мешка, не прогрызенного ими. Все продукты без исключения могут портить эти вредители. Даже такие вещи, как куртки, ватные брюки, полушубки, надо беречь от этих вреднейших грызунов.

Хотя вещи подвешены на крючьях к потолку, но и это не спасает. Мышь — замечательный акробат,

А весна шагает через все препятствия. Солнце в отверстия сквозь крышу бьет лучами по самым темным закоулкам склада.

Весна и близость приезда нашей смены — других работников на фактории — дают хлопоты и заботы. Надо чистить мукой песцовые шкуры, замачивать в озерах порожние мешки и отмывать с них присохшую муку, перебирать и сушить на чердаке птичье перо, которого собралось свыше 500 килограммов.

Сырье и пушнину мало купить — надо суметь еще сохранить их.

Весна принесла много непредвиденной работы и хлопот. Все дни заняты.

Но это хорошо. Как приятно поработать на солнце, подышать широкой грудью ямальским воздухом! В весенней солнечной работе столько радости и бодрости, что, кажется, не ушел бы со двора.

★

Советская тундра.

Размеры.

К Северному Ледовитому океану в Советском союзе прилегает огромная полоса земли, получающая от солнца так же мало тепла, как и омывающее ее море. Она тянется с запада от границы с Финляндией на восток до Уральских гор на протяжении 1000 километров. За Уральским хребтом она продолжается дальше на восток до берегов Великого океана еще на 5000 километров. Она прилегает к побережью Северного Ледовитого океана широкой полосой до 500 километров. Вся полоса занята тундрой.

Тундра зимой.

Около девяти месяцев в году огромная площадь тундры покоится под сплошным снежным покровом. Трескучие морозы, доходящие до —50° и даже —60°, сковывают льдами все реки, речки, болота и озера. Ничем не сдерживаемые буйные ветры наметают сугробы. А долгая полярная ночь на несколько месяцев погружает во мрак страну, одетую в белый покров...

В зимнюю пору мало кто из животных остается в тундре. Мелкие грызуны-пеструшки, песец, полярная лисица, полярные куропатки, снежная сова — вот зимнее население тундры. В южной части тундры, в перелесках, встречается северный олень.

Эти животные — истинные дети тундры. Их не страшат долгая зима и 50-градусные морозы. Они одеты в теплый мех или теплое оперение.

Одно из ценнейших животных тундры — песец. Его пушистая белая зимняя шкурка ценится очень высоко. Но только зимняя, так как летом животное меняет окраску с белой на рыжевато-желтую или землисто-бурую. Да кроме того в это время мех песца и не так пушист, как зимой.

Тундра летом.

Пустынна, почти мертва тундра зимой.. Но за долгой зимой наступает, наконец, лето. Оно коротко, солнце греет не сильно, однако под его лучами снег и лед тают.

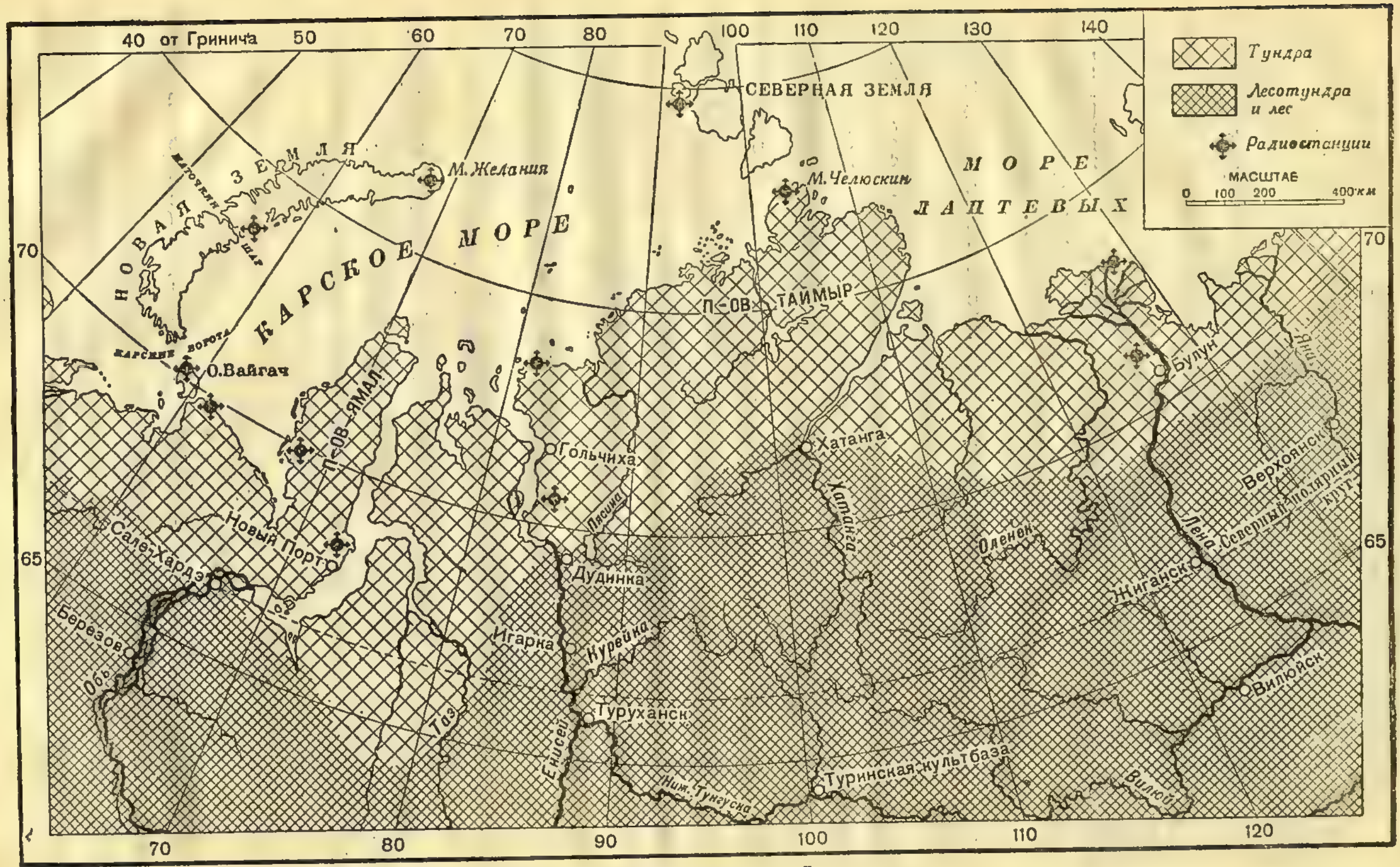
Несметные стаи птиц с шумом и криком летят с юга. По тундре протекает много рек и речек, в

тундре множество больших и малых озер. Берега рек, озер и топких болот дают приют миллиардам болотных и водоплавающих птиц. Птицы оживляют тундру неумолкаемым гамом, визгом, криком. Здесь встречаются лебеди, гуси, утки и кулики.

За миллиардами птиц, поселяющихся на летнюю пору в тундре, устремляются сюда всякого рода хищники. Так, летом забегает волк, рыжая лисица, нет-нет забредет и бурый медведь. В воздухе парят соколы и ястребы, для которых теперь в тундре раздолье. К этим хищникам присоединяются горностаи и ласки, дерзающие охотиться не только на пеструшек и мелких птичек, но и на гуся, и на лебедя, и даже на быстроногого зайца-беляка.

В течение короткого лета тундра успевает оттаять только на незначительную глубину. На глубине $^1/_2$ метра почва остается вечно мерзлой. За короткое летнее время много дней уходит на то, чтобы растопить снег, согреть и высушить почву. Но не успевает почва согреться, как уже снова наступает стужа. В течение 3—6 недель растения должны развернуть листья, раскрыть свои цветы и принести плоды. Выпадающий рано осенью и даже летом снег покрывает растение и мешает созреванию семян. Из растений в тундре преобладают зеленый мох и лишайники. Попадаются в тундре и деревца: карликовая ива, карликовая береза и др. Эти деревца маленькими веточками стелются по земле и прячутся во мху. В конце лета тундру покрывают разные ягоды в таком изобилии, что она получает вид пестрого ковра из красной брусники и клюквы, желтой морошки и других ягод — любимой пищи куропаток.

Карта европейской тундры.



Карта западносибирской тундры.

Северный олень.

В тундре много белого лишайника — ягеля, который очень любят северные олени.

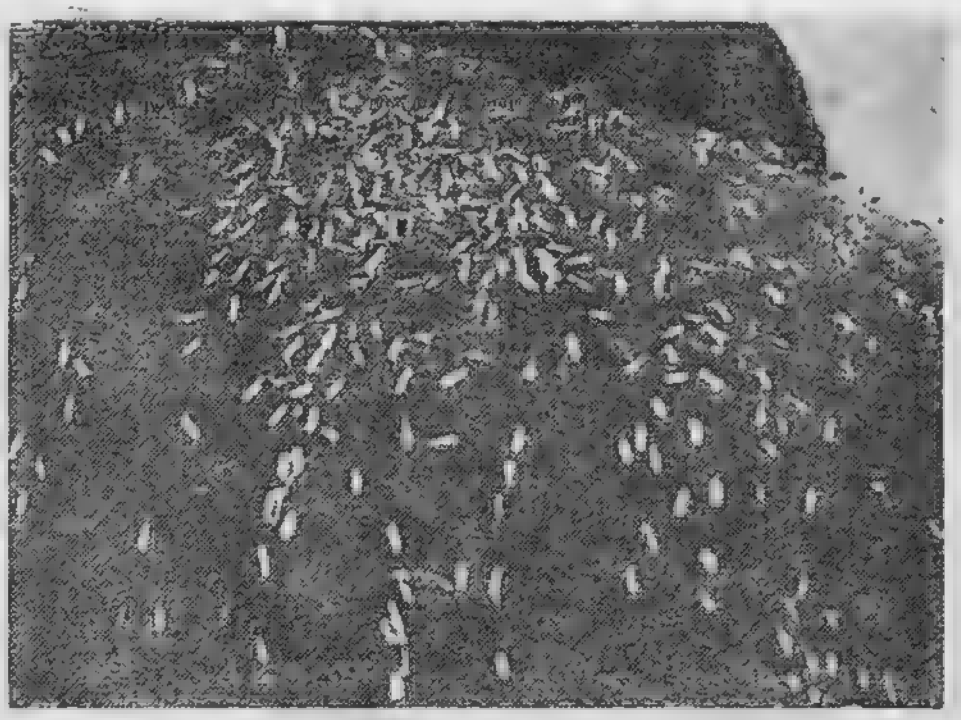
Мхи и лишайники служат пищей для неутомимого кочевника по тундре — северного оленя. Два раза в год олень совершает правильные перекочевки. С наступлением зимы он уходит на юг и забирается в лес, а весной он стремится на север к морским берегам. На юге олень находит больше пищи. Быть может, он остался бы здесь круглый год, придерживаясь опушки леса, но несметные тучи комаров, оводов и других насекомых побуждают его летом бежать к морю или в горы. Эти насекомые являются настоящим бичом для беззащитных против них оленей. Размножаясь здесь в бесчисленном количестве, насекомые эти причиняют мучительнейшие страдания несчастным оленям, доводя последних чуть не до бешенства. И олени бегут через стремнины, через овраги, переплывают реки, озера, только бы скорей уйти к морскому побережью, где дует морской ветер и где мучитель „гнус“ не водится в таком изобилии.

Во время своих перекочовок дикие северные олени идут стадами. Вслед за ними устремляются волки, а кое-где их подстерегают медведи.

Ненцы.

Неприветлива и сурова тундра, однако в ней живут люди. Всю европейскую тундру и небольшую часть азиатской — к востоку от Уральских гор — занимают ненцы. Их немного — около 20 тысяч. Нен-

цы занимаются охотой на песцов, диких оленей, птиц и рыбной ловлей, но главное их занятие — оленеводство. Олени круглый год сами находят себе пищу. Летом они едят траву, а зимой питаются ягелем, который выкапывают копытами из-под снега. Ненцы только оберегают оленей от волков да следят, чтобы на кочевьях было достаточно корма. Олени доставляют ненцу все самое необходимое для жизни. Ненцы едят оленье мясо, одеваются в одежды из оленьих шкур, шкурами накрывают свои чумы, на оленях ездят по тундре. В поисках корма для оленей ненцы кочуют по тундре, перевозят свое разборное жилище — чум.



Комары на спине ненца.

Внутри чума разводится костер для варки пищи. Дым выходит через отверстие, оставляемое на верху чума. Дым от костра наполняет чум, разъедает глаза и вызывает их воспаление.

Обычно кроме людей в чуме греются собаки, тут же возятся голые ребятишки, хотя снаружи чума иной раз стоит сильный мороз или бушует снежная вьюга.

Женщины постоянно за работой: или готовят обед или шьют одежду, или сучат нитки из оленьих сухожилий, или, наконец, возятся с маленькими детьми.

Ненец Петр Салендер ввел в своем чуме некоторые новшества.

Ненцы в чуме за чаем.

Зная русский язык, Петр Салендер часто бывал в факториях и участвовал в нескольких экспедициях в качестве переводчика.

По собственному почину он заказал кочегару одной шхуны сделать для него железную печь. Она стоит теперь в его чуме. И дает столько тепла, что в чуме можно сидеть в одних рубашках, а главное от нее нет дыма, который превращает чум в коптильню и разъедает глаза, вызывая их воспаление.

Далее он разумно разрешил вопрос и об освещении чума. Он приобрел фонарь „Летучая мышь". По сравнению с керосиновой лампой или свечой, которыми пользуются другие туземцы, фонарь „Летучая мышь" более пригоден для освещения чума. Пламя в нем не задувается ветром, он имеет не лопающее-

Местами ненцы переходят на оседлый образ жизни.

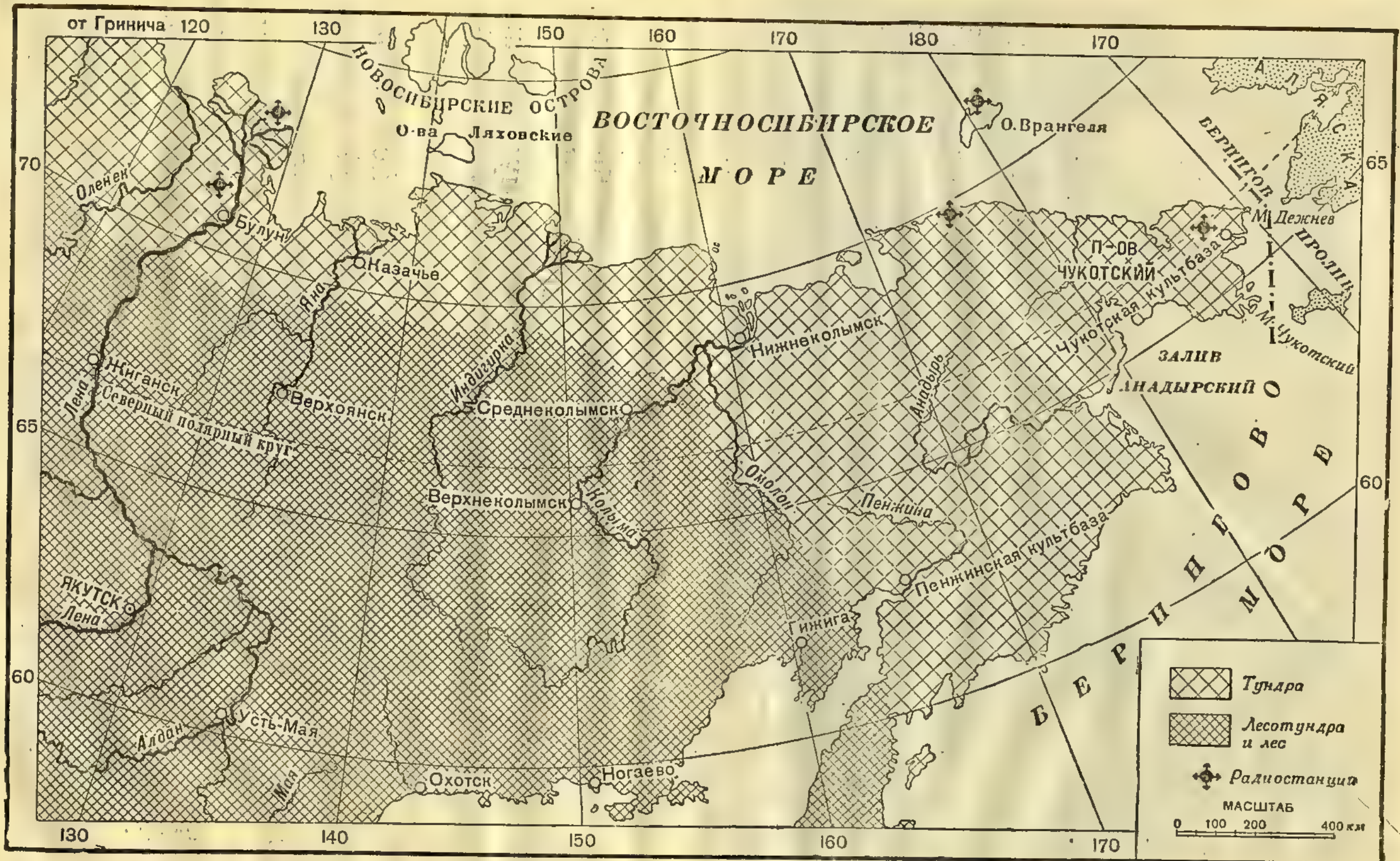
ся, хорошо защищенное стекло, его удобно подвешивать к наклонным шестам в чуме.

И наконец у Петра Салендера есть примус, доставляющий ему те же удобства, что и нам в нашей культурной обстановке.

Благодаря внедрению в обиход железной печки, фонаря и примуса значительно улучшается бытовая обстановка и жизнь в чуме становится сносной.

Местами ненцы переходят теперь на оседлый образ жизни. Они заводят лошадей, коров и овец и живут в избах. Некоторые начинают сеять ячмень.

Ненцы-оленеводы были беспомощны против сибирской язвы и других повальных болезней, уничтожавших оленей. Сибирская язва уносила иногда сразу



Карта восточносибирской тундры.

по 150 тысяч голов и вконец разоряла ненцев. В настоящее время снаряжаются экспедиции в глубь тундры для предохранительных прививок от болезней как животным, так и людям.

В тундре, которая тянется на восток от реки Оби вдоль побережья Северного Ледовитого океана и спускается на полуостров Камчатку, живут немногочисленные народности, по своему образу жизни очень схожие с ненцами.

Тундра редко населена. На 100 квадратных километров в ней приходится менее одного жителя.

*

В ненецком кооперативе.

В правлении.

Просторная комната правления кооператива часто бывает переполнена людьми. Приезжие садятся — по тундровому обычаю — прямо на пол. Каждому из приезжих надо поговорить с правлением о своих делах, и каждый терпеливо ждет очереди.

Дым от махорки и папирос уже с первого часа занятий густ, как туман над осенним морем. С табачными запахами соединяются запахи разопревших немытых человеческих тел и звериных шкур.

— Дом — не чум: в нем всегда душно, — говорят ненцы, — непривычны мы к домам. Да что поделаешь? Надо дело сделать. Если бы продавцы работали на улице, для нас, пожалуй, лучше было бы.

А на улице пальцы на руках обморозить можно.

И сидят терпеливо, поджавши ноги, на полу. Пе-

рекидываются изредка словами о новостях в тундре, об охоте, о „большом исполкоме“, который ненцам „помощь дает“.

— Я вам песцов больше десятка, должно быть, привез. Лисицы две да шкур оленьих шестнадцать. Посмотри-ка все да посчитай: много ли мне за них приходится?

Из мешка высыпаются на пол шкуры. Разбираются по сортам. Расцениваются. Споры при оценке редки. В случае же разногласия — шкуры сдаются для переоценки в комиссию. К этому ненцы уже привыкли.

— Чего теперь мне дашь? — спрашивает ненец, когда с расценкой шкур покончено.

— А тебе что надо?

— Муки ржаной.

— А еще?

— Белой... Да чаю. А чай-то хороший?

— Чай — добрый.

— А сахар есть?

— Бери, сколько хочешь.

Ненец усиленно напрягает свою мысль, чтобы ничего не забыть из того, что нужно купить.

От духоты, многолюдства, непривычки говорить много да от волнения по щекам говорящего ручейками стекает пот. Рукавом малицы (верхняя меховая одежда) смахивает он с глаз капли пота и с хозяйственной деловитостью выспрашивает:

— Сети-то есть у вас?

— Есть.

— Дай с десяток сетей.

— Этого добра у нас много припасено.

— А капканы на песца привезли?

— Были, да все уж распроданы.

— Эк какое дело-то! Опоздал, видно... На волка тоже нет?

— И не было.

— Сапоги есть?

— Это найдем.

— Пиджаки да штаны, может, тоже есть?

— Найдем и это.

— На сарафан бабе еще пиши.

— А чего на сарафан-то? Ситцу?

— Получше чего напиши: ситец-то не ноский.

— Ну, в лавке сам выберешь, что понравится.

— И то ладно... Ну еще пиши: соли да пороху, да пистонов, да табаку нюхательного... Да...

Длинный перечень нужных ненцу товаров, наконец, исчерпывается. Но ненец еще медлит некоторое время около стола.

— Не забыть бы чего, — говорит он сам себе. И сам же себя успокаивает:—Ничего как будто не забыл.

Очередь у стола занимает следующий. И опять перечисляются все хозяйственные нужды кочевника.

В лавке.

После разговоров в правлении кооператива ненец идет с запиской в лавку.

В лавке он молча щупает товары. Выбирает, что получше, подороже. Каждого товара старается набрать большую партию.

С год не были в кооперативе. Мало ли надо на год?

— На маличну рубаху покажи теперь, — говорит он приказчику (чтобы не портилась малица, под нее надевается матерчатая рубашка).

Продавец раскладывает на прилавке несколько кусков черной материи. Каждый кусок ненец основательно прощупывает и проглядывает на свет. А заключение бывает совсем неожиданным.

— Которая дороже, ту и заверни.

Это — желание показать другим, что худого, дешевого товара тундра не любит.

Ненец спокойно и внимательно продолжает выбирать нужные ему товары. Лицо его оживляется только в те минуты, когда он выбирает ружье. Ружью он знает цену, понимает его качества и, блестя глазами и белыми зубами, рассматривает каждую часть, замечает малейшие недостатки. Если система ружья новая, не испытанная еще „в деле", непременно спросит у продавца:

— А испытать можно?

— А вычистишь?

— Вычищу.

И ружье с некоторой торжественностью выносится на улицу.

Пробовать „хороший бой" ружья всегда находится несколько любителей, потому что ружье в жизни кочевника тундры то же, что плуг для земледельца.

В качестве мишени для винтовки берется медная охотничья гильза или палочка такой же, как гильза, толщины, а для ружья, заряжающегося дробью, — дощечка. Около мишени полукругом встает несколько человек, оживленно обсуждающих результат выстрела:

— Вот это ловко: в самый центр попал!

— Вправо отнесло маленько...

— Повыше пролетела!..

— Ну, хлопни еще разок!

И сухо рвутся выстрелы в морозном воздухе. Воют и бестолково мечутся собаки, не понимающие причины стрельбы.

Проверив „бой“ ружья, ненец снова идет в лавку.

— Пиши ружье: беру,— говорит он продавцу.

Все забранные в лавке товары ненец укладывает в особые длинные ящики — в лари. В ларях и путешествует с ненцем по тундре все необходимое в жизни оленевода и охотника. Лари спасают продукты и другие хозяйственные мелочи от порчи во время перекочовок. Лари очень удобны и при укладке груза: на оленьи сани помещается как раз один ларь.

Гостеприимство.

„Приезжего накорми и обогрей!“ Таков неписаный закон тундры. И все ненцы выполняют этот обычай.

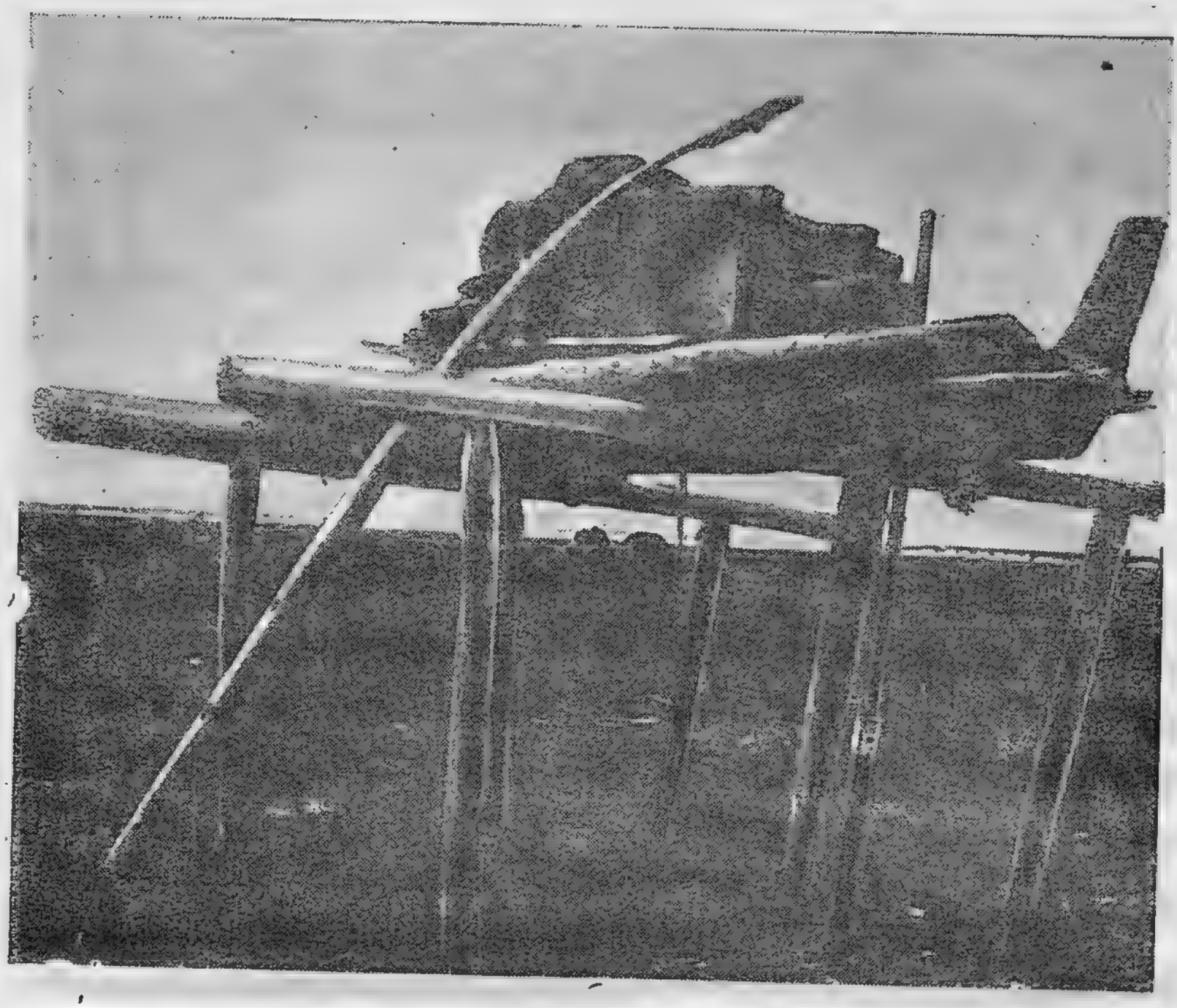
Не угостить приезжего — позор для хозяина чума.

Приехать в чум со своим хлебом — значит нанести смертельную обиду хозяину...

Беспредельна тундра, и труден путь по ней. Бездорожье, холод, пурга — все это злейшие враги путешественника по тундре. Однако по тундре можно проехать без запасов провизии и без копейки денег.

Всякий приехавший в чум человек — гость для ненца. А ненецкий обычай велит разделить с гостем последнюю пищу.

Гостеприимный у себя дома ненец не запасается



Амбар в тундре.

продуктами и тогда, когда едет в поселок. И торговые организации „Союзпушнины“ и кооператив выполняют обычай гостеприимства. На прием ненцев кооперативом и „Союзпушниной“ отпускаются особые средства.

Конечно, ненцам не подается ничего иного, кроме самого скромного обеда и чаю.

Члены правления кооператива прекрасно знают вкусы своих „гостей“ и подают им любимые блюда. Вернее: одно единственное блюдо, не особенно лакомое, но сытное.

Сторож правления, в обязанности которого входит угощать приезжих из тундры, кладет на стол

Ненцы едят сырое мясо убитого оленя.

груду кусков мороженого оленьего мяса. На середину стола ставится солонка с солью, и стол накрыт.

„Гости“ тесным кольцом окружают стол. Садятся, если есть скамейка, а то и стоят. Каждый вытаскивает из ножен нож (ненец с детства не расстается с охотничьим ножом). Каждый забирает в левую руку кусок мерзлой оленины, а правой отрезает от большого куска небольшие кусочки, которые путешествуют сначала к солонке, а потом в рот. При этом непременно кто-нибудь скажет:

— Стругай мерзлое мясо так, чтобы оно завитушками летело — тогда будет вкусно... Так старики говаривали.

И каждый, действительно, отрезает от куска очень тоненькие ломтики, похожие на стружку.

Хлеба при этом не полагается. Не нужна и работа зубов: слюна и язык великолепно справляются с размягчением пищи.

— Жевать мороженое мясо,— объясняют ненцы,— невкусно.

Кроме мороженого мяса у ненцев в большом почете мясо только что убитого оленя (парное мясо). Но лакомствами считаются — печенка (сырая), мозг и язык. Кровь только что убитого оленя тоже относится к числу наиболее тонких блюд.

На столе, между тем, появляется огромный самовар. После мерзлой оленины на чай аппетит большой, и много раз придется вытирать лицо полой пиджака или подолом рубахи, прежде чем желудок откажется принимать новые порции обжигающей жидкости.

Праздник у ламутов.

Ламуты живут в центре Камчатского полуострова и на севере Якутии по реке Колыме и в других местах.

Ламутов, живущих в центральной гористой части Камчатки, занятой тундрой и лесом, посетила в 1920—1922 гг. шведская экспедиция под руководством Стена Бергмана. Его рассказ о праздниках у ламутов приводим ниже.

В течение зимы ламуты справляют много праздников. Особенно торжественно празднуются первая охота на соболя, рождение телят в апреле и начало весны.

Наступление весны вызывает у всех радостное настроение, и на март приходится наибольшее число праздников. Путешественники еще гостили у ламутов, когда у них начались весенние праздники.

Однажды ламуты пригласили своих гостей на один из таких праздников.

Когда путешественники подъехали к юрте, ламуты из соседних юрт уже были в сборе. Вскоре закололи оленя, его мясо разрезали на куски и положили варить в большой медный котел. Хозяева и гости собрались в юрте.

Ели ламуты так, что скоро от мяса ничего не осталось. Сытые и довольные вышли они из юрты. Теперь должны были начаться состязания в беге.

По старому обычаю гости дают что-нибудь для призов. Один из гостей дал кирпичного чаю, другой — сдобных лепешек, а Стен дал пачку табаку. Все призы подвязали к верхушке длинного шеста. Пришедший первым получал один все призы.

В состязании участвовали семь саней. В каждые сани запрягли по паре оленей. Сани для бегов были особенные, очень легкие, их можно было поднять одним пальцем. Олени должны были добежать до места, которое находилось в четырех километрах, и вернуться обратно.

Сани стали рядом, все у одной черты, от которой начинался бег. Дали сигнал. Олени рванулись с места и помчались галопом. Вскоре они скрылись из глаз за холмистой, покрытой лесом местностью.

Прошло около двадцати минут. Вдали показались первые сани, сзади них близко другие. Вот-вот об-

гонят. Легкие сани летели точно по воздуху, а ламуты с дикими криками хлестали оленей. От быстрого, напряженного бега олени тяжело дышали.

Но вот одни сани на что-то наскочили и перевернулись. А олени мчались вперед и волочили за собой и сани и ламута. Одним прыжком ламут вскочил на ноги, быстро поставил сани на полозья, сел и помчался вперед. Он победил. Пришел первым и снял с шестов призы.

После бега состоялась борьба. На площадку вышли два молодых ламута. Сбросили с себя свои меха и остались голыми по пояс. Было 20° мороза, но борцы на это не обращали никакого внимания. Кругом кричала толпа, и этот крик опьянял борцов. И тот и другой были одинаково сильны. Долгое время нельзя было угадать, кто победит. Наконец, одному удалось бросить своего противника на снег. Толпа разразилась криками одобрения, а победитель получил порядочную порцию конфет.

Вечером все ламуты собрались в юрту, ели мясо, пили чай с конфетами, пили водку, и все это под звуки шаманского бубна, в который усердно бил один из ламутов до самой полуночи. При свете костра танцовали ламутский танец.

★

В настоящее время спортивными состязаниями нередко заканчиваются съезды туземных советов.

Устраиваются стрельба из ружей, бег на собаках, запряженных в нарты, бег на оленях верхом и на нартах. Победители премируются инструментами, оружием, посудой.

★

Огоньки советской культуры в тундре.

Один случай всколыхнул все стойбище остяков. Старый охотник Айпик при езде на олене упал на обледенелый сук и без сознания был привезен в чум. Спешно позвали шамана выгонять „злого духа“ из тела Айпика.

К чуму больного собралось все стойбище. С тревогой и надеждой следили за приготовлениями шамана к заклинаниям. В пестром тяжелом наряде с бубном в руках шаман приступил к изгнанию „злого духа“. Но несмотря на дикую пляску и страстные призывы шамана к „добрым духам“ больной чувствовал себя все хуже.

После долгих колебаний решили позвать русского человека из Красного чума лечить Айпика. Недоверчивыми глазами следили за ловкими движениями врача. Старый охотник Иван настойчиво советовал пустить кровь у Айпика, чтобы вышел „злой дух“. Но организм старика, никогда не принимавшего лекарств, оказался восприимчивым к лечению. Айпик выздоравливал, а вместе с тем росло уважение к работникам Красного чума.

Перекочевывая в глубь тундры вместе с остяками, Красный чум становился для них ближе и понятнее.

Женщины-остячки находили в словах работников Красного чума новое для себя. Остячка Ими сама пришла в Красный чум и рассказала свою печальную повесть. Ее муж умер. По старым обычаям она должна перейти в собственность старшего брата мужа. Но Ими не хочет туда итти, она любит другого. Может

быть, советская власть и для нее законы новые дала, такие, чтобы она могла сама собой распорядиться, чтобы ее не продавали, как вещь, за оленей, за песца, за соболя.

Как же велика была ее радость, когда ей сказали, что по советским законам женщина может итти, за кого она хочет.

*

Советская тундра пробуждается.

Что было при царской власти.

Еще так недавно жизнь немногочисленных обитателей тундры была очень тяжела. Ненцы, остяки, ламуты, чукчи страдали от заразных болезней. Болезни опустошали стада оленей, болезни губили людей, и население тундры уменьшалось. Шкурки ценных пушных зверей сбывались скупщикам нередко за водку; никто не знал даже грамоты, господствовали шаманы. И не было просвета в этой убогой и печальной жизни кочевника тундры. При царской власти не проявлялось никакой заботы об улучшении жизни народов тундры.

Что стало при советской власти.

Советская власть отнеслась к народам тундры иначе. Она освободила их от кабалы и в первую очередь стала создавать для них *культурные базы*.

На каждой культбазе имеются: районный совет, объединяющий туземные родовые советы, кооператив, баня, больница с 15 койками, школа с общежитием на 25—50 учеников, ветеринарный пункт, ме-

Ненец-школьник.

теорологическая станция и радиостанция. Каждая база имеет свой транспорт: стадо оленей, собак и катер для передвижения по многочисленным рекам.

Появление культбаз в совершенно диких местах встречено туземными народами с большой радостью. Об этом говорят их грамоты, отправленные в Москву. Некоторые из этих грамот написаны на бересте.

До революции народы, населявшие тундру, были сплошь неграмотными. В настоящее время для кочевого населения открыты школы с общежитиями для учеников, пункты ликвидации неграмотности, красные уголки, красные чумы, показывается звуковое кино.

В Ленинградском институте народов Севера учатся 500 представителей 26 народностей тундры и тайги.

Во втором пятилетии намечено ликвидировать неграмотность всего оседлого населения и половины кочевого.

До революции народы тундры не имели письменности. В настоящее время разработаны алфавиты и изданы буквари на ненецком, чукотском и других языках. На местных языках выходят газеты.

Медицинское обслуживание.

Население тундры обслуживается больницами при культбазах. Врачи выезжают в район и не только лечат людей, но и обучают их хлебопечению, строят бани, устраивают красные чумы и т. д.

Времена, когда скупщики покупали в тундре песцов за бутылку водки, прошли. Кооперативы и фактории государственной торговли обслуживают все нужды населения. В магазинах имеются запасы хлеба, мануфактуры, разные промысловые снаряжения.

С 1928 г. в тундре началась организация оленеводческих колхозов и совхозов. В настоящее время они охватывают сотни тысяч голов оленей.

На помощь оленеводству идут открытые в Ленинграде институт оленеводства и ветеринарный институт. На местах врачи-ветеринары ведут систематическую борьбу с сибирской язвой, копытницей, чесоткой и другими болезнями оленей.

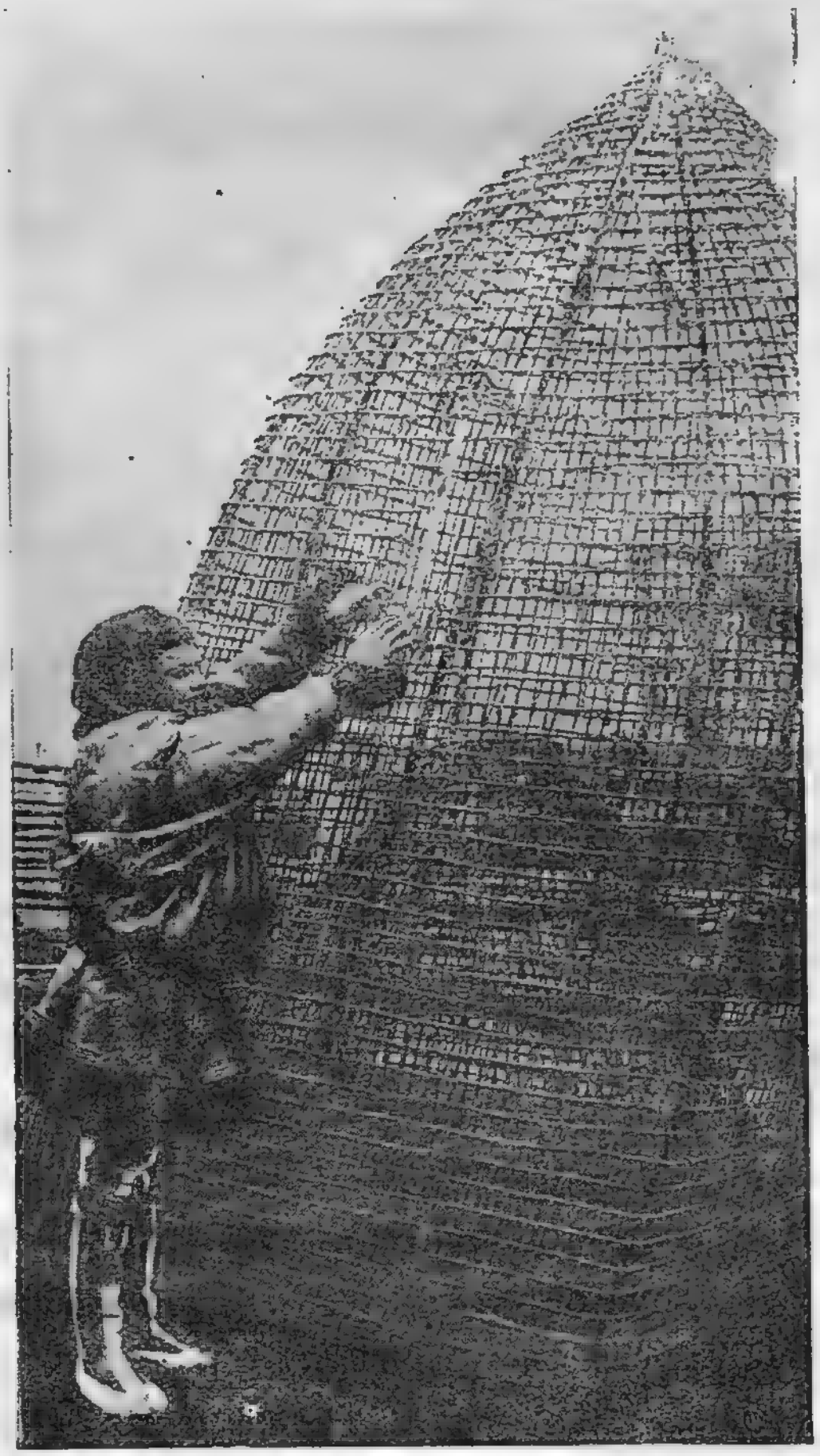
Изданы правила об охоте, оберегающие пушных зверей от хищнического истребления; организовываются заповедники, где звери могут свободно размножаться и где разводятся звери с особенно ценным мехом.

★

Какие богатства таит в себе тундра.

Бесконечная снежная равнина, пустынная и безжизненная... так привыкли мы представлять себе тундру.

Между тем тундра — прекрасное и даровое пастбище для оленей. Оленеводство может быть очень выгодным.



„Морда" для ловли рыбы.

Оленье стадо в советской тундре — величайшее в мире. Оно насчитывает до $2^1/_2$ миллионов голов. В настоящее время рост его чрезвычайно медленный. Но стадо оленей может удвоиться в три-четыре года. А в тундре, протянувшейся на 6 тысяч километров, это стадо можно увеличить в 10 раз. Мясо оленя вкусно и может питать городские центры Советского союза.

Велики также рыбные богатства в низовьях сибирских рек. Путешественник Фритиоф Нансен был поражен неизмеримыми рыбными богатствами наших северных рек.

Остяк черпает рыбу из устроенного в проруби сооружения.

Постройка консервных заводов дает возможность перерабатывать в ценные консервы — мясо, рыбу, дичь. Если и сейчас тундра дает пушнины и других продуктов на десятки миллионов, то в будущем она может давать кож, мясных и рыбных продуктов на сотни миллионов рублей.

В настоящее время организованы опыты разведения огородных и полевых растений в тундре.

В самое последнее время в тундре Кольского полуострова открыты железные руды. Они залегают полосой в 10 километров шириной и более 110 километров длиной.

В Печорском районе имеются месторождения каменного угля. Запасы определяются в 125 миллиар-

дов тонн. В 100 километрах от впадения реки Воркуты в реку Усу заложены первые угольные шахты. Идет разработка на двух шахтах, производительностью каждая по 150 тысяч тонн угля в год. Угли Воркуты высокого качества. Разработка углей началась.

Недавно открыто новое месторождение каменного угля на севере Большеземельской тундры на реке Янгарей в 60 километрах от ее устья.

Академия наук СССР ежегодно снаряжает экспедиции для изучения северных полярных морей, тундры и севера лесной полосы. Каждый год приходят к нам вести о новых природных богатствах, хранящихся там. Эти богатства не будут бесплодно лежать неизученными и неиспользованными.

★

Каби т Севера
Обл Б блиотеки
им. А. Н. Добролюбова

Содержание.

У остяков Западчой Сибири. Из очерков немецкого путешественника *Капфера*. Перевод *С. Д* 3
В Лесотундре. Из путешествия по Дальневосточному краю. *В. Арсеньева*. 10
Фактория на полуострове Ямал. Очерки из книги *В. Козлова* „Полярная фактория". Переработка *С. Д*. . 24
Советская тундра. *С. Д*. 45
В ненецком кооперативе. Из статьи *Т. Синицына*. Переработка *С. Д*. 55
Праздник у ламутов. Из книги Стена Бергмана „Путешествие по стране вулканов, медведей и номадов". Перевод *С. Д*. 62
Огоньки советской культуры в тундре. По очерку *Л. Осиповой* в журнале „Советский Север", 1933 г., *С. Д*. 65
Советская тундра пробуждается. *С. Д*. 66
Какие богатства таит в себе тундра. *С. Д*. 69

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролю

Цена 65 коп.

М 8911